

Евгения Сатумла

В СЕМЬЕ
ЭРНСТА
ТЕЛЬМАНА

Прочти,
товарищ!

Евгения Сатулла

В семье
Эрнста Тельмана

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ“

Москва 1964

ЗКИ(092)

С 21

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
САТУЛЛА

Редактор Н. Н. Огородникова
Худож. редактор Е. Е. Соколов
Технический редактор
А. С. Ковалевская
Обложка художника
А. И. Сафохина
Корректор Э. А. Шехтман

Сдано в набор 1.VII 1964 г.

Подписано к печати 8.X 1964 г.

Изд. № 158. Формат бум. 60×90¹/₃₂.

Бум. л. 1,88. Печ. л. 3,75. Уч.-изд. 3,60.

A05396. Цена 11 коп.

Тираж 115000 экз. Заказ № 948.

Опубликовано Тем. план 1964 № 13

Изд-во «Знание». Москва, Центр,
Новая пл., д. 3/4.

Московская типография № 24

Главнополиграфпрома.

Москва, Г-19,

ул. Маркса и Энгельса. 14.

От автора

После войны я несколько лет жила и работала в бывшей советской зоне Германии. Встречалась со многими прогрессивными деятелями науки, литературы и искусства, с антифашистами, борцами за мир.

На первом Конгрессе демократических женщин Германии в Берлине в 1947 году я познакомилась с Розой Тельман и по ее приглашению не раз посещала семью Эрнста Тельмана.

Сидя вдвоем с фрау Розой в уютной гостиной на диване, я из ее уст слышала волнующий рассказ о жизни, о большой человеческой дружбе, любви и преданности. В самые тяжелые годы, когда Эрнст Тельман томился в тюрьме, она до конца жизни оставалась его верной подругой.

Мы, обе женщины — советская и немецкая, переживали тогда большую горе от потери близких нам людей, ведь в то время — в 1946 году — трагически погибла в Германии моя единствен-

ная дочь — комсомолка Элеонора. Всем сердцем мы сочувствовали друг другу... Так зародилась наша дружба, которая никогда не забудется...

Каждое письмо от Розы Тельман было сердечным приветом от далекого друга. Я выслала ей в Берлин свою книгу «Краски жизни», а также журнал «Советская Украина» с напечатанными воспоминаниями о наших встречах, и она ждала новую мою книгу «В семье Эрнста Тельмана». Но, к сожалению, ее жизнь преждевременно оборвалась...

О своих встречах с женой и дочерью вождя немецких коммунистов я хочу рассказать читателям.

Выражаю искреннюю благодарность секретарю Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи Инге Ланге, которая прислала из Берлина много фотоиллюстраций для этой книги, а также ценные материалы о деятельности Розы Тельман в последние годы жизни, о ее борьбе за мир, за единство своей родины.

Помощь немецких друзей свидетельствует о том, что воспоминания о спутнице жизни Эрнста Тельмана будут интересны как советскому, так и немецкому читателю.

Е. Сатулла

После войны Берлин лежал в развалинах. Повсюду, куда ни глянешь, — руины, разрушенные дома, вырубленные деревья в Тиргартене и на широкой Унтер-ден-Линден, прославленной когда-то своими замечательными липами.

За Бранденбургскими воротами начинался английский сектор Берлина. Справа — круглое, обгоревшее здание Рейхстага, на вершине которого мужественные бойцы Советской Армии водрузили алое знамя Победы.

По сторонам аллеи, ведущей к башне Победы, множество молчаливо застывших, высеченных из гранита статуй курфюрстов и полководцев Германии, принесших народу много горя и слез.

Но полуразрушенный Берлин уже пробуждался к новой жизни. Впервые в его восточном

секторе собирались прогрессивные деятели и обсуждали, как преодолеть послевоенные трудности, намечали программу построения нового, социалистического общества.

Лучшие люди — антифашисты, много лет томившиеся в тюрьмах и концлагерях, теперь занимали командные посты, и под их руководством возрождалась к жизни новая, молодая Германия.

Немецкие женщины, которые при фашизме не играли никакой роли в политической жизни страны, включались в активную работу.

Восьмого марта 1947 года в Берлинском оперном театре на Фридрихштрассе открылся первый Конгресс демократических женщин Германии. Сюда прибыли делегатки из разных стран.

Важнейшие проблемы современности — не допустить новой мировой войны, бороться за мир — обсуждались на этом конгрессе.

Здесь я познакомилась со многими выдающимися женщинами-антифашистками, деятельницами культуры, литературы и искусства, приехавшими из разных стран, а также с немецкими коммунистками, по многу лет сидевшими в концентрационных лагерях.

На всю жизнь осталась в памяти встреча с Розой Тельман. Нас познакомили в перерыве между заседаниями конгресса. С большой ра-

достью и уважением я крепко пожала руку Розы Тельман. Она приветливо улыбалась.

Небольшие, чуть прищуренные серые глаза пристально всматривались в меня. Во взгляде чувствовалась какая-то настороженность, и это понятно: ведь сколько горя пришлось ей пережить в годы фашистского господства, когда с первого взгляда надо было решать, враг или друг перед ней.

Ее русые волосы, зачесанные вверх и слегка волнистые, уже отливали серебром. Печать горестных переживаний затаилась в ее лице. Но скорбные морщинки исчезали, как только она улыбалась.

— Я очень рада познакомиться с вами, — сказала мне Роза Тельман. — Советские люди — наши друзья, они освободили нас, и за это мы всегда будем им благодарны.

Мы обменялись несколькими словами, но перерыв уже заканчивался и надо было спешить в зал заседаний конгресса.

* * *

В один из апрельских дней я заехала на квартиру к Розе Тельман.

Авто остановилось у большого серого здания в районе Трептов-парка. Этот район — один из уцелевших в Берлине, где нет зияющих руин.

По каменной лестнице я поднялась на второй этаж. Позвонила. Меня проводили в уютно обставленную гостиную с ковром на полу, мягким диваном и креслами.

Посредине стоял круглый стол, покрытый белой вязаной скатертью. Через открытое окно проникали солнечные лучи, ярко сверкая на полированной раме большого портрета Эрнста Тельмана.

Эрнст Тельман...

Имя вождя компартии Германии было грозой для фашистов. Тельман наводил страх на фашистов даже тогда, когда он сидел в тюрьме. С его именем рабочие боролись в подполье, шли в концлагеря, на пытки и смерть. Оно было любимо народом.

В комнату вошла Роза Тельман и приветливо сказала:

— Вы доставили мне большую радость тем, что пришли. Я очень рада, когда меня посещают мои русские друзья!

— А вас часто навещают русские? — поинтересовалась я.

— Не могу обижаться! Нас не забывают советские офицеры из комендатуры, часто заходят к нам, беспокоятся, как мы живем, и помогают во всем. Мы с Ирмой бесконечно благодарны им за внимание и заботу. Семья у нас ведь теперь увеличилась, недавно родилась

внучка Моника, больше хлопот стало бабушке. Ирма сейчас в больнице, но она тоже рада будет познакомиться с вами. Садитесь, пожалуйста, сюда поближе, на диван, здесь будет удобнее, не правда ли?

Хотелось из уст самой жены Эрнста Тельмана услышать рассказ об их жизни, о большой человеческой дружбе и любви, ведь в самые тяжелые минуты она всегда оставалась до конца верной и преданной подругой своего мужа.

Я обратила внимание на портрет старого рабочего в шляпе, надвинутой на самый лоб, с такими же, как у Эрнста Тельмана, серьезными глазами.

— Это отец Эрнста — Йоган Тельман, — сказала фрау Роза. Он сам родом из Голштинии, но еще молодым приехал в Гамбург, чтобы, как говорят, выбиться в люди. Он был активным членом социал-демократической партии, часто прятал у себя запрещенную литературу и пользовался большим авторитетом у рабочих, особенно у докеров Гамбурга.

Все называли его «товарищ Ян». Шестнадцатого апреля 1886 года родился Эрнст. Вскоре его отец был арестован за то, что давал приют революционерам, которых преследовала полиция.

Оставшись одна с малым ребенком на руках, мать Эрнста не растерялась, устроилась на ра-

боту и поддерживала мужа в тяжелое для него время.

Выйдя из тюрьмы, дедушка Ян попал в «черный список» и нигде не мог найти работу. Поневоле ему пришлось торговать овощами. Когда же Эрнст подрос, то помогал отцу развозить овощи по домам покупателей.

Рано началась для него трудовая жизнь. — Роза Тельман с любовью посмотрела на портрет мужа. — После окончания гамбургской народной школы, — продолжала она, — Эрнст очень хотел учиться дальше, но отец не позволил. Он сказал: «Будешь таким же рабочим, как и я, не пропадешь! Самостоятельно выбивайся в люди».

Эрнст начал работать докером в Гамбургской гавани. Он вырос на берегу моря, среди моряков. Юношей много читал о незнакомых странах, и ему самому захотелось побывать за океаном. Устроившись помощником кочегара на океанском корабле, он попал в Америку.

Но там его ожидало разочарование. С большим трудом нашел себе работу на ферме под Нью-Йорком. Заработка еле хватало на то, чтобы не умереть с голоду. Недолго он прожил на чужбине. Тоска по родине не давала покоя. Вскоре он начал собирать деньги на билет, чтобы возвратиться домой. Приехал обратно в Гамбург уже со значительным жизненным опытом.

— Как вы познакомились?

Роза Тельман улыбнулась, и лицо ее помолодело, словно освещенное отблеском прошлого счастья.

— Мы познакомились в прачечной Вельшера, где оба работали, я — прачкой, Эрнст — развозчиком белья. Вскоре мы подружились. Эта дружба принесла мне много радости в юности, ведь детство мое было очень тяжелым.

Роза Тельман задумалась...

— Наша семья жила в городе Бергфельде. Отец был сапожником, имел восемь детей. Мать постоянно болела. Все деги работали, чтобы как-нибудь прокормиться. Я помню отца, всегда склоненного над работой, сидевшего на низеньком стульчике у окна под стенкой. У нас были две небольшие комнатки, из которых одна служила всем. и гостиной, и спальней для родителей, и мастерской отца.

В другой комнатке помещались дети. Вы представляете себе, что творилось, когда все восемь душ собирались вместе! Не было даже уголка, где бы можно было спокойно приготовить уроки.

Как только мне исполнилось четырнадцать лет, я поступила прислугой в богатое семейство. За мизерную плату мне, подростку, приходилось выполнять самую тяжелую работу на кухне. А главное — постоянное унижение человеческого достоинства. Но я все терпела. Ведь

мне так хотелось помочь семье, избавив родителей от лишнего рта. Тогда я была еще юной, несознательной, но, как только подросла, ушла от хозяев. Вместе с другими домработницами поехала в Гамбург искать счастья. Вскоре я устроилась в прачечной Вельшера. Это было большое предприятие, где работало много людей.

Однажды на рабочем собрании я впервые услышала выступление Эрнста. С интересом слушала его простые, всем понятные слова о том, что все мы должны объединяться в профсоюзы, которые защищают права рабочих. Я тогда еще многого не понимала, да и не думала ни о какой политике. Но встречи с Эрнстом оказали на меня большое влияние.

Каждое воскресенье мы встречались с ним в метро, шли в кино или на танцы. Часто ездили вдвоем или же с его близкими друзьями на Эльбу, иногда за город, в лес. Там начинались пылкие дискуссии на политические темы, говорили о литературе и искусстве.

Как я гордилась Эрнстом! Он был такой умный, начитанный, политически развитый.

Мне, простой работнице, было очень приятно узнать, что такой человек любил меня. Я начала читать художественную литературу, посещать рабочие кружки. Он заботливо следил за моим развитием. Во время наших прогулок

рассказывал о произведениях Лессинга, Гёте, Шиллера, об их значении для культуры немецкого народа.

Как раз тогда рабочие избрали его арбитром транспортных и фабричных рабочих в Гамбурге. Его неутомимая деятельность профсоюзного руководителя вскоре дала хорошие результаты: на нашем прачечном предприятии увеличилось число членов профсоюза, да и заработная плата по сравнению с другими была выше. Я тоже вступила в профсоюз, мне тогда было восемнадцать лет.

Хозяину прачечной не нравилась активная деятельность Эрнста. Вначале он старался привлечь его на свою сторону, даже предложил должность заведующего филиалом прачечной в Бергдорфе, с высокой оплатой, но с условием — отказаться от политической и профсоюзной работы.

Возмущенный Эрнст сказал хозяину:

— Тельман не продается!

Его тотчас же уволили и занесли в «черный список». Почти два года он не мог получить никакой работы.

В начале 1915 года Эрнста призвали в армию. Мы решили пожениться. Через два часа после заключения нашего брака Эрнст должен был идти в солдаты, — улыбнувшись, сказала Роза Тельман.

Эрнст уехал в армию, а я осталась одна. В течение двух лет мой муж не получал отпуска, как другие, и не смог приехать домой хотя бы ненадолго. Это было наказанием за его антивоенные взгляды и за агитацию среди немецких солдат.

Он часто писал письма с фронта, иногда вкладывал в них записки для своих друзей. Я высылала ему газету «Гамбургское эхо», чтобы он был в курсе всех событий. Как я ненавидела войну! Она разлучала меня с любимым человеком, забирала все новые и новые жертвы. Я начала проводить антивоенную агитацию среди женщин-работниц.

Наконец настал долгожданный день, когда Эрнст возвратился домой. Наша семейная жизнь началась счастливо. Дни были заполнены работой, а вечерами у нас всегда собирались друзья и товарищи мужа по партии.

Они беседовали о профсоюзных делах, о положении рабочего класса и борьбе с капитализмом.

Часто возникали горячие дискуссии и заканчивались далеко за полночь. Я всегда присутствовала при этом, но многого еще не понимала. Партийные дела меня тогда мало интересовали, я даже была недовольна, что Эрнст отдает им все свободное время.

Но в 1918 году, когда произошло крушение

кайзеровского рейха и началась ноябрьская революция в Германии, я стала посещать митинги, на которых выступал Эрнст. Я видела, с каким вниманием, как жадно слушали рабочие его пламенные речи. Он умел привлекать сердца людей, и вскоре стал руководящим деятелем Коммунистической партии Германии. Его авторитет среди рабочих был чрезвычайно высоким.

Жили мы тогда на Сименсштрассе. Наша квартирка вскоре стала центром, где собирались для обсуждения вопросов партийной работы, которая после первой мировой войны и ноябрьской революции занимала в нашей жизни еще больше места.

Каждый товарищ мог в любое время запросто прийти к нам. Если же кто приезжал из другого города, то всегда оставался у нас ночевать и часто жил по нескольку недель.

Для личной жизни у нас почти не оставалось времени. Иногда муж задерживался на собрании, а дома его уже ожидали товарищи. Потом, далеко за полночь, он сидел над книгами.

Я обижалась. Муж в ответ на мои упреки только улыбался, а однажды сказал:

— Роза! Ты знаешь, как я тебя люблю. Никакая другая женщина мне не нужна. Если же я иногда поздно возвращаюсь домой, значит, так надо. Ведь у меня есть партийные дела, их я никогда в жизни не оставлю. Ты же недоволь-

на. Остается только одно: если ты меня очень любишь, твое сердце подскажет, какой путь избрать, чтобы наши интересы были общими.

В ту ночь я долго не могла уснуть...

Но не бессонница мучила меня, нет! Передо мной встал вопрос: что же делать? Я хотела жить интересами мужа, но многого не понимала.

Утром я спросила Эрнста:

— Скажи мне, что я должна делать? Я на все готова, лишь бы быть тебе ближе.

— Ну, вот и хорошо! — обрадовался он. — Принимай и ты активное участие в наших делах, живи нашими интересами. ...И я пошла по пути, указанному мне Эрнстом.

В 1919 году я стала членом коммунистической партии и выполняла различные партийные поручения, преимущественно по работе среди женщин на производстве.

Моя жизнь была заполнена новыми интересами, и мы с мужем стали духовно более близкими друг другу. Нас связывала общая партийная работа, которая давала смысл и цель жизни.

Больше я не чувствовала одиночества. Наша семейная жизнь стала более содержательной. Имея постоянно партийные поручения, я иногда приходила домой гораздо позже мужа, но он только радовался, видя, что я всей душой отдаюсь общественной работе.

Изредка мы ходили в театр, муж очень любил пьесы из народной жизни.

Посещение театра доставляло мне много хлопот. Хотелось нарядно одеться, а денег не было. Ведь Эрнст часто оставался безработным.

Вскоре у нас родилась дочь Ирма. Новые для меня материнские чувства радовали и увлекали. Радовался и Эрнст, глядя с любовью на крошечную девочку.

Это было в 1919 году, в день рождения дочери — 6 ноября. Мы очень бедствовали: муж тогда был безработным, и не было денег, чтобы купить даже уголь для отопления квартиры. Я сидела в холодной кухне, где горел только газовый рожок.

Кутаясь и дрожа от холода, кормила грудью свою крошку, завернутую в теплое одеяло. Эрнст ходил по кухне, стиснув кулаки.

— Так дальше жить невозможно, Роза! — сказал он. — Все должно измениться! Сейчас миллионы детей мерзнут так же, как наша Ирма и ты. Многие портовые рабочие не имеют работы. Надо бороться, Роза, за лучшую жизнь!

...Роза Тельман задумалась. Прошрое встало перед нею во всей реальности, словно переживала его снова.

Она рассказывала мне о своей жизни просто и задушевно, говорила о любимом человеке, о его жизни и работе.

Знакомство с Розой Тельман открывало предо мной еще неизвестную страницу их трудной судьбы. Из уст этой женщины я слышала искренний и сердечный рассказ о человеке негнимои силы воли, твердости духа и необыкновенного мужества.

А фрау Роза, его верная и преданная подруга, — такая простая, приветливая, стала для меня вдруг такой близкой, словно мы с ней давно-давно знакомы.

За окном догорал апрельский весенний вечер...

Через открытое окно из Трептов-парка, расположенного напротив, доносились звонкие молодые голоса, смех. В парке гуляла немецкая молодежь, радуясь жизни и весне, словно и не было страшной трагедии войны, бомбардировок Берлина, темноты подвалов, ужаса смерти...

Прощаясь, Роза Тельман сказала:

— Я вновь пережила сейчас свои молодые годы. И радостно, и больно вспоминать о них. Заходите, пожалуйста, ко мне еще! Мне так много хочется рассказать вам...

— Обязательно заеду в ближайшие дни, чтобы увидеть вашу внучку и познакомиться с фрау Ирмой.

Она тепло улыбнулась при воспоминании о

внучке, которая с Ирмой еще в больнице, но скоро будет дома.

Возвращаясь через Берлин к себе в воинскую часть, где жила, я думала об удивительной судьбе этой мужественной женщины...

* * *

20 апреля я снова заехала к Розе Тельман. Она приветливо встретила меня и, когда мы уселись в гостиную, сказала:

— Как жаль, что вы не зашли ко мне на несколько дней раньше, вместе поехали бы в Бухенвальд. Ведь 16 апреля, в день рождения Эрнста, там всегда собираются многие антифашисты, сидевшие в концлагере. Приезжают даже из других стран на торжественный митинг, посвященный освобождению узников фашизма. И представьте себе, на этот раз буквально в трех километрах от Бухенвальда нашли двух эсесовцев.

— Как же это случилось? — удивленно спросила я.

— Перед началом митинга бывшие заключенные-антифашисты прогуливались в окрестностях концлагеря, осматривая все вокруг. В поле увидели двух рабочих. Низко нагнувшись, они копались в земле. Бывшие узники подошли, чтобы поговорить, и вообразите себе их удивление и возмущение, когда они узнали своих пала-

чей-эсесовцев. Их тотчас привели в концлагерь и перед всеми собравшимися там спросили:

— Как вы очутились здесь? Неужели не могли скрыться подальше?

— Мы полагали, что вблизи концлагеря нас никто искать не станет, — отвечали эсесовцы.

— Вы только представьте себе такую наглость! — возмущалась Роза Тельман и с волнением начала ходить по комнате.

— Их сразу же передали в полицию, они должны ответить за свои злодеяния и издевательства над ни в чем не повинными людьми.

...В гостиную вошла молодая женщина невысокого роста, изящно одетая. Светло-каштановые пушистые волосы обрамляли ее молодое лицо с большими голубыми глазами. Широкий открытый лоб напоминал отцовский, губы, мягкие и свежие, радостно улыбались.

— А вот и Ирма! Познакомьтесь, пожалуйста!

Следы страданий, пережитых в концлагере, уже исчезли с молодого лица. Прошрое стало горестным воспоминанием, далеким, как кошмарный сон. Лучи материнской любви мягко светились в ее глазах.

Она несла на руках маленькую Монику, нежно прижимая к груди ее золотистую головку.

— Неправда ли, она прелестна? — познакомившись со мной, спросила молодая мать.

Мы вместе любовались малюткой.

— Наша Моника вырастет счастливой, ей не придется пережить столько горя, сколько выпало на долю нам с Ирмой, — задумчиво произнесла фрау Роза.

Полюбовавшись Моникой, Ирма сказала:

— Да, она должна быть счастливой, ведь не даром же ее дедушка, как и многие другие, отдал свою жизнь!

Тень грусти при воспоминании об отце мелькнула в ясных глазах Ирмы. Она передала девочку матери, села ко мне поближе и стала рассказывать:

— Помню, как отец брал меня на колени и говорил:

«Ты — моя радость, моя гордость! Вырастешь — будешь пионеркой». С шести лет я действительно стала пионеркой.

Вначале это была легальная организация, и мы, пионеры, свободно маршировали по улицам, распевая свои песни. Но с приходом к власти Гитлера наша организация была запрещена. Пришлось собираться тайно.

Ирма задумалась... Я смотрела на нее. Как она похожа на отца! Невольно подумала, что и характер у нее должен быть отцовский.

— Помню, как мы тогда ненавидели юношей и девушек из фашистской организации, которые,

шагая по улицам, распевали свою любимую пёсню:

«Германия превыше всего!..»

Эти молодчики готовились стать единственными хозяевами Европы, но не вышло! — улыбаясь, сказала Ирма.

Фрау Роза с Моникой на руках снова вошла в комнату. Ирма тотчас же взяла дочь и положила в колясочку.

— Может, ей уже пора спать? — спросила она у матери.

— Конечно, покорми и уложи Моника спать, а мы с фрау Евгенией ещё побеседуем.

Когда Ирма с ребенком ушла в другую комнату, Роза Тельман, словно собираясь с мыслями, продолжала нашу прерванную беседу:

— ...Знаете, мне вспомнилось, как однажды члены фашистской организации пытались убить Эрнста. Это было в июне 1922 года, мы жили тогда на Сименштрассе на первом этаже. Окна квартиры выходили на улицу. Ночью к нашему окну прикрепили две гранаты, и они неожиданно взорвались снаружи дома. От взрыва вылетели оконные рамы, побились стекла, но, к счастью, мужа не было дома, а я с маленькой Ирмай спала в другой комнате.

Когда же Эрнст вместе с товарищами возвратился с собрания, то и в комнате обнаружили взрывчатку, заброшенную через окно. За не-

сколько минут до взрыва обезвредили и выбросили ее. Так кончилась неудачей попытка расправиться с Эрнстом. Но с тех пор товарищи по партии охраняли мужа, иногда даже дежурили у нашего дома, чтобы, в случае надобности, прийти на помощь.

Жить в этой квартире было опасно, и мы решили подыскать другую. Однако ни один домовладелец не хотел пускать к себе такого «опасного» коммуниста. С большим трудом мне удалось найти небольшую квартирку на Тарпенбекштрассе. После долгих уговоров хозяин, наконец, решился пустить нас в свой дом.

Меня тогда избрали кассиром партии. Для меня это очень ответственная работа. Когда началось Гамбургское восстание, я помогала вместе с другими женами коммунистов строить баррикады на улицах, где шли бои. Наша квартира стала сборным местом повстанцев, которыми руководил Эрнст.

Рабочие называли мужа «Тедди», и я гордилась тем, что все его очень любили.

Три дня на улицах Гамбурга шли бои... Храбро боролись гамбургские рабочие, и мы, женщины, помогали, чем могли: приносили на баррикады пищу, держали связь между отдельными отрядами, передавали различные сведения.

Но все же гамбургские рабочие потерпели

поражение, так как не было тесной связи с рабочими других городов, и они оказались изолированными, а социал-демократические лидеры проводили изменническую политику.

После поражения начались массовые аресты. Коммунистическая партия была запрещена и вынуждена уйти в подполье. Эрнст оказался на нелегальном положении и уехал в Берлин, где жил на конспиративной квартире.

* * *

Как-то заехала к Розе Тельман. Она сама открыла дверь, и я сразу же заметила ее взволнованность.

— Вы нездоровы, фрау Роза? — спросила я, глядя на ее немного побледневшее лицо и грустные, чуть прищуренные серые глаза.

— Нет, я здорова, — улыбнулась она, сердечно приветствуя меня. — Но вот перебираю дорогие мне письма, и стало грустно. Я сейчас одна в доме, Ирма гуляет в Трептов-парке с Моникой, а я на досуге углубилась в воспоминания. Садитесь, пожалуйста, поговорим немного, мне будет легче...

На столе лежала пачка аккуратно перевязанных пожелтевших писем, а в глазах фрау Розы я увидела тоску и незабываемую боль утраты дорогого человека.

— Это все, что осталось из писем мужа ко мне, — сказала она. — Только их нам удалось сохранить, остальные отобрало гестапо. Эрнст, узнав, что его письма отбираются у меня сразу же после прочтения, отказался совсем от переписки со мной. Это стоило ему больших усилий, но ведь он был принципиальным во всем.

— Вот это письмо он писал мне из Советского Союза; его я особенно берегу. В 1928 году он посетил вашу родину как делегат VI Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Побывал в Ленинграде на крейсере «Аврора» и с восхищением писал мне о торжественном приеме, который устроили там моряки в честь делегатов. Эрнст был избран почетным членом команды знаменитого крейсера и получил форму краснофлотца.

Прощаясь, сделал запись в судовом журнале, которая заканчивалась словами: «...нашим боевым призывом, нашим паролем будет слово: «Аврора». Не правда ли, это хорошо!

Радостный блеск в глазах фрау Розы без слов говорил о том, как она гордится своим мужем.

— Эрнст привез в подарок из Советского Союза пионерский костюм для Ирмы, и мы сохраняли эту почетную форму до 1944 года, но фашисты забрали ее, когда арестовали меня и Ирму.

Знаете, когда Эрнст перешел на нелегальное положение и находился в Берлине, то всегда неожиданно приезжал в Гамбург на какое-либо собрание или митинг. Рабочие любили его, всегда на митингах окружали тесным кольцом, чтобы защитить от полиции и помешать его аресту.

Перед выборами в Рейхстаг в 1930 году Эрнст выступал на четырех митингах, и в результате во всех рабочих районах Гамбурга на выборах коммунисты получили большинство голосов. Вот почему наш город и стал называться «Красным Гамбургом».

По его инициативе компартия Германии организовала в пограничных районах мощные массовые демонстрации против войны. На французской и голландской границах происходили интернациональные встречи рабочих и крестьян этих стран. И знаете, сам Эрнст отправился в Париж, хотя французское посольство не давало ему визы на въезд во Францию. Но многочисленные друзья помогли ему перебраться через границу и выступить на рабочем митинге, где его речь слушали пятнадцать тысяч французских рабочих.

После выступления в Париже гитлеровцы и реакционеры злобно называли Эрнста изменником родины и предателем. Они не жалели грязных красок, чтобы оклеветать коммуниста перед народом.

Но все простые люди Германии верили ему.

— Как вы узнали об аресте своего мужа, ведь он жил нелегально в Берлине? — спросила я Розу Тельман.

— Да, он последнее время жил не с нами, но связь у нас была налажена хорошо через надежных партийных товарищей. А узнала я об аресте мужа во время выборов в Рейхстаг, в которых еще участвовали рабочие партии. В марте 1933 года на пункте голосования мне сказал один из товарищей, что Эрнст арестован 3 марта, как раз за два дня до выборов в Рейхстаг. Я вначале даже не поверила, но потом сама прочла в газете «Гамбургер Фремденблат» об его аресте.

Что мне было делать? Я так тяжело переживала это ужасное известие. Вскоре из Берлина приехал один из партийных товарищей и сказал: «Товарищ Роза Тельман! Вы должны поехать вместе со мной в Берлин, разыскать, где находится арестованный Эрнст, и установить с ним связь».

Приехали в Берлин. Там меня устроили на квартиру в рабочую семью, и я начала поиски мужа. Прежде всего зашла в гестапо. Там узнала, что Эрнст находится в одиночной камере в здании полицейского управления на Александерплац.

Мне не хотели разрешить свидание с мужем.

но я настойчиво добивалась, и прошло немало времени, пока его, наконец, увидела.

— Как же вы все-таки добились? Не боялись ходить в гестапо?

— Нет, никакого страха у меня тогда не было. В гестапо после многочисленных отказов в свидании я прямо заявила фашистским палачам: «Если мне не разрешат увидеть мужа, станет ясно, что он убит. Это всколыхнет весь мир».

Только после этого мне разрешили посетить Эрнста в тюрьме. Но каким я его увидела! Он был зверски избит. Я не могла сдержаться, взволнованно крикнула:

— Эрнст, как ты выглядишь! Что с тобой сделали?

Но тут же гестаповец закричал на меня. Эрнст знаками дал мне понять, чтобы я успокоилась, ведь только через меня можно будет из тюрьмы поддерживать связь с партией.

Я это поняла. Муж ласково разговаривал со мной, не обращая никакого внимания на гестаповца, присутствовавшего при свидании. Внешне он казался спокойным и уверенным в себе.

— Как поживает отец? — спросил Эрнст.

Мы с ним заранее условились под словом «отец» подразумевать партию. Таким образом, пользуясь нам одним понятным языком, можно было рассказывать ему о партийных делах.

Этим способом я разговаривала с мужем и при последующих встречах в тюрьме, так что Эрнст был осведомлен обо всем, что делалось на воле.

Как сейчас помню это наше первое грустное свидание за решеткой. Я волновалась, но муж успокаивал меня, давая различные советы чисто семейного характера: просил беречь здоровье бабушки Йогана, дочке Ирме советовал хорошо учиться и быть прилежной девочкой в это трудное для нас время.

Мне он посоветовал обращаться по всем делам к судебному следователю Брауне.

Свидание закончилось... Эрнста увели жандармы, а я, как в тумане, вышла на улицу. Голова кружилась, долго сдерживаемые в присутствии мужа слезы теперь градом катились по лицу, и я дала волю своему горю. Но что было делать? Чем помочь Эрнсту в его ужасном положении?

Решила обратиться к Брауне. Тот направил меня в дом имени Карла Либкнехта, где раньше находился Центральный комитет Коммунистической партии. Как тяжело мне было увидеть, что там, где еще недавно работал Эрнст и собирались ответственные работники партии, теперь хозяйничали гитлеровские молодчики. Там помещалась государственная тайная полиция (гестапо).

Переступив порог этого страшного места, я

вошла в комнату следователя. Тот долго меня рассматривал, словно диковинку, потом куда-то позвонил. В комнату стали заходить один за другим гестаповцы и злобно смотрели на меня, как на редкого зверя. Противно было видеть их упитанные, тупые лица убийц. Я встала, отвернувшись к окну, спиной к ним.

Вдруг грубый окрик следователя вывел меня из раздумья:

— Как вы стоите? Садитесь сюда на стул!

Но в знак протеста я продолжала стоять. Что они могли со мной сделать?

Я с восхищением слушала рассказ Розы Тельман, удивляясь ее мужеству и бесстрашию.

— Знаете, чего только не выдумывали гестаповцы в связи с арестом мужа! На страницах немецких фашистских газет печатались самые фантастические «разоблачения» мнимых зверств коммунистов. Распространялись слухи, что в Берлине под зданием ЦК коммунистической партии в подземных катакомбах коммунисты спрятали огромное количество взрывчатки, от которой мог бы взлететь на воздух весь Берлин, что там хранились колбы с бактериями, чтобы вызвать в Германии страшные эпидемические болезни. Гитлеровцы заявляли, что в связи с этим вождь компартии Эрнст Тельман привлечен к судебной ответственности за свои преступления перед народом и вскоре будет судим.

Однако судить Эрнста не решались. Он сидел в тюрьме Моабит без всякого суда. Каждый раз газеты сообщали, что для проведения судебного процесса над Тельманом еще собрано недостаточно материала и потому суд откладывается.

Видимо, нацисты просто боялись провала, подобного тому, какой был во время суда над Георгием Димитровым.

Соблюдая хоть видимость «справедливого» разбора дела, официальным защитником мужа назначили адвоката Фридриха Реттера — члена нацистской партии, которого фашисты считали надежным, способным на задуманные провокации.

Ему вручили обвинительный акт и разрешили посетить своего подзащитного в тюрьме. Когда Реттер поговорил с Эрнстом, то не захотел пойти на подлость и помогать фашистам. Такое большое впечатление на него произвели мужество, стойкость и искренность убеждений коммуниста. Он не решился погубить ни в чем не повинного человека. Как видите, Эрнст хоть кого мог переубедить, — улыбнулась Роза Тельман.

— Что же стало с этим адвокатом? — спросила я.

— Он знал, что ему не простят, если он не выполнит приказа — скомпрометировать Тель-

мана, и решил бежать из гитлеровской Германии, захватив с собой обвинительный акт. По ту сторону границы он сможет по-настоящему защищать его.

И действительно, будучи уже в Париже, Реттер выступил в защиту Эрнста. Обвинительный акт, опубликованный в Париже, наделал много шума. Весь мир встал на защиту Эрнста, началась борьба за его освобождение. Но все же одиннадцать с половиной лет муж просидел в тюрьме в отдельной, изолированной камере без всякого общения с кем-либо, кроме меня и Ирмы, — с грустью сказала Роза Тельман.

— А вы часто посещали мужа в тюрьме? — спросила я.

— Не скажу, чтобы часто, нам с Ирмой только изредка разрешали навещать его. Мы входили в камеру вдвоем, а иногда и поодиночке, хотя за нами следили, но все же мы ухитрились передавать мужу записки, спрятанные в хлебе или запеченные в пирожке. Эрнст вначале был не только осведомлен обо всем, что делалось в подполье коммунистической партии, но в первое время своего заключения мог даже руководить работой. Газеты он тогда получал, а наша шифрованная переписка тоже помогала. Я писала ему только нам одним понятными словами.

— А гестаповцы разве не догадывались?

— Может, и подозревали, но доказательств никаких не было. Часто к нам домой неожиданно являлись ночные гости, делали обыск, спрашивали, на какие средства мы живем. Я всегда отвечала: «Продаем вещи!..»

Тяжелое это было для нас время. Ни мне, ни Ирме нигде работать не разрешали. Но нас всегда поддерживали друзья, которых много было в разных странах. Только тогда я поняла, какой популярностью пользовался Эрнст, как велика была любовь к нему простых людей во всем мире.

Мы получали множество писем от совершенно незнакомых людей, которые поддерживали и ободряли нас. Иногда приходили посылки и денежные переводы от разных лиц, часто из Франции. Я поняла тогда, что такое международная рабочая солидарность, и легче становилось на душе, зная, что мы не одиноки в своем горе. Как жаль, что все эти письма отобрало гестапо, а то вы бы могли прочитать их, сколько там было теплоты и сочувствия к нам с Ирмой.

Наши верные друзья по партии также все время помогали нам в беде. Эти мужественные, бесстрашные люди, скромные рабочие, докеры, всегда поддерживали в нас бодрость и веру, укрепляли волю в борьбе. Рискуя своей свободой и даже жизнью, они помогали нам.

Наиболее близкой была семья Зефковых.

В трудное время, когда я приезжала в Берлин для свидания с Эрнстом в тюрьме, я подружилась с Энне Зефковой — сильной, волевой коммунисткой, женой Антона Зефкова, который стал руководителем подпольной организации коммунистической партии. Антон работал шофером и был профессиональным революционером. Еще в двадцатые годы он был активным участником Коммунистического Союза молодежи Германии.

Везде его знали, любили: и шахтеры Рура, и ткачи Силезии, и гамбургские докеры. Жена его тогда была машинисткой, активным работником партии. Эта энергичная женщина поддерживала меня в самые тяжелые моменты, вселяя надежду, на лучшее будущее. Энне всегда мне говорила:

— Надо бороться, Роза! Своими руками завоевывать себе лучшую жизнь, светлое будущее для наших детей.

Когда я встречалась с Энне в Берлине, у меня словно сил прибавлялось, и я шла добиваться новой встречи с Эрнстом. Сколько приходилось выслушивать в гестапо грязных небылиц, провокационных выдумок на нашу партию, на моего мужа! Но я держалась гордо и уверенно не теряя своего человеческого достоинства, как бы тяжело мне ни было. Сдержанно и смело я отвечала на все вопросы фашистских палачей. Они думали выпытать у меня кое-что о под-

польной организации нашей коммунистической партии, о настроении наших партийных товарищей, которые оставались еще на свободе. Ведь большинство коммунистов сидело тогда в концлагерях.

А как следили за мной все время гестаповцы! Им надо было узнать, с кем я встречаюсь, с кем связана, кто нашей семье помогает материально.

Энне Зефкова не только морально поддерживала меня, помогала советами, но и поручала передавать Эонсту конспиративно в его камеру то, чего требовала партия. Мы так хорошо научились конспирации, что умели скрыть от врагов свои связи.

И все же случилась беда: 16 апреля, как раз в день рождения Эонста, приехал в Гамбург Антон Зефков, чтобы передать мне деньги, собранные для нас с Иомой рабочими. Его схватили гестаповцы и арестовали. Целых шесть лет провел Антон в тюрьме. А выйдя на свободу, снова включился в борьбу с фашизмом. В то время он руководил наибольшей в Германии подпольной организацией антифашистов. Его все знали под именем «Курт». «Группа Зефкова» имела свои опорные пункты во многих городах. Члены этой группы организовывали саботаж на военных заводах, проводили агитацию среди солдат в армии, печатали и распространя-

ли антифашистские листовки, на каждой из них стояла подпись: «Коммунистическая партия Германии».

Как свирепствовало гестапо, когда удавалось поймать кого-либо из членов этой подпольной организации! Но никакие пытки не могли вырвать ни слова: каждый коммунист давал клятву — свято хранить тайну.

Даже когда вторично арестовали самого Антона Зефкова, организация жила, боролась... Никто не знал, где ее центр, а руководители ее были неуловимы для фашистских агентов. Но об этом вам лучше расскажет Ирма.

* * *

Однажды, поздоровавшись, Ирма сказала:

— Мама гуляет с Моникой в Трептов-парке, я сейчас позову ее.

— Нет, не надо, фрау Ирма, — возразила я, — сейчас чудесная погода, пусть ваша мама погуляет с внучкой, я обожду ее, если вам не помешаю.

— Что вы! Я очень рада!

Ирма начала рассказывать мне о том, что больше помнит отца в тюрьме, и свидания с ним оставили в ее душе неизгладимый след.

— Знаете, я часто, посещая отца, рассказывала ему о своих школьных подругах. Он так

внимательно всегда выслушивал меня, давал советы.

Мы с мамой придумали приносить на свидание с папой небольшую грифельную доску и писали на ней то, чего нельзя было сказать вслух, а в это время говорили о самых незначительных вещах. Ведь за нашей спиной в камере часто находился гестаповец, были и подслушивающие аппараты. Написав, что надо, сразу же все стирали.

Ирма задумалась, и я сердцем почувствовала, что ее мысли в это время далеко-далеко, в той тесной камере, где томился ее отец.

— Если бы вы знали, как тяжело было, когда я училась в школе! Ведь, кроме хороших подружек, со мной учились и дети нацистов. Они вечно старались причинить мне побольше неприятностей, называли «красной». Однажды даже пытались утопить меня, когда я купалась в реке. Не могу и сейчас забыть эти отвратительные лица маленьких злочек, которые в воде били меня, чтобы я потеряла сознание.

Но не удалась им их затея! Я не захлебнулась в воле, как они рассчитывали, выручили подруги! С тех пор я всегда избегала этих маленьких зверенышей, твердо помнила папины слова: «Ирма, надо учиться хорошо, отлично! В знаниях — сила, они необходимы для жизни». И это прибавляло сил.

По окончании школы и получила хороший аттестат и при помощи друзей поступила в коммерческое училище. Но там почти все девочки-школьницы состояли в организации фашистского типа под названием «Союз немецких девушек». Они пели нацистские песни и приветствовали учителей, как военные: «Хайль Гитлер!»

Конечно, это мне не нравилось. Входя в класс, я всегда говорила: «Доброе утро». За это меня ненавидели. Однажды даже в школу вызвали маму — учителя пожаловались на меня.

— Я одобряю поведение Ирмы, — сказала им мама, — ведь ее отец сидит в тюрьме, как же ей произносить фашистское приветствие?

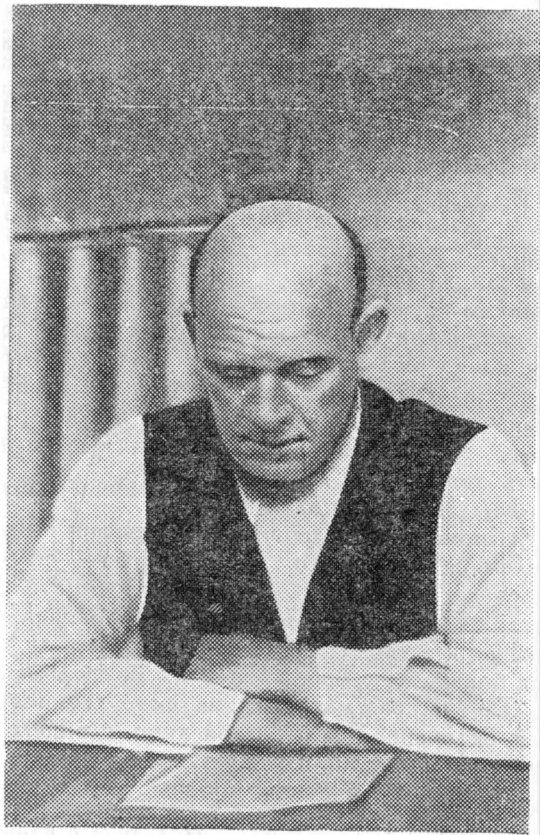
Пришлось оставить это училище.

В то время я уже была членом подпольной юношеской организации и проводила работу среди молодежи. Мы организовывали подпольные митинги, собрания, поддерживали связь с коммунистами.

Работы нам с мамой не давали никакой, очевидно, боялись нас, как и отца, хотя он сидел в тюрьме.

Ирма посмотрела на портрет Тельмана, висевший на стене, и в ее глазах засветилась гордость.

— Знаете, мне очень хотелось сфотографировать отца в тюрьме, и однажды это удалось. Сейчас я вам покажу этот фотоснимок, он —

Эрнст Тельман в тюрьме. Снимок сделан
Ирмой Тельман в 1937 году.

единственный свидетель того, каким отец был в тюремной камере.

Ирма вышла в другую комнату и возвратилась с фотокарточкой в руке. Я с волнением всматривалась в лицо Тельмана.

— Этот снимок сделан в Ганноверской тюрьме, — сказала Ирма. — Помню, тогда на пороге камеры стоял отвратительный эсесовец и наблюдал за нами. Но я все же ухитрилась маленьким карманным фотоаппаратом, спрятанным на груди под жакетом, запечатлеть облик отца. Он понял мое намерение, как видите, немного наклонил голову над газетой, чтобы эсесовец не очень присматривался ко мне и не обнаружил моего фотоаппарата. Тогда бы и мне не избежать тюрьмы!

Мы долго молчали...

Вспомнились другие фотографии Эрнста Тельмана — крепкого, широкоплечего, сильного человека, с волевым лицом и пронизательным взглядом. Такие фотографии публиковались в газетах и журналах в то время, когда шла упорная борьба за освобождение его из тюрьмы.

Теперь, рассматривая на фото его исхудавшее, склоненное над газетой лицо, я видела, что его волю не сломали тяжелые годы заключения.

Ирма с бесконечной любовью всматривалась в дорогие черты отца, запечатленные ею и сохраненные для потомства.

— Я могу подарить вам эту фотокарточку на память о наших встречах. У меня есть еще такие же.

Как я была ей благодарна за внимание и за этот ценный подарок, который я храню, как реликвию.

— Вам лично отец писал из тюрьмы? — спросила я Ирму.

— Да, конечно, писал. Но, к сожалению, очень мало писем сохранилось у нас, все отобрали гестапо.

Она снова вышла из комнаты и возвратилась с письмом отца.

— Вот одно из сохранившихся. Сейчас мы с вами его прочтем.

«Моя любимая Ирма!

Одинокий, изолированный, оторванный от жизни человечества, сижу я здесь и думаю в эти наполненные глубокой печалью часы о дне твоего рождения в ближайшее воскресенье. Ты, наверное, поймешь, почему я не послал тебе отдельной открытки и ограничиваюсь тем, что коротко и сдержанно, но от всего сердца и с величайшей любовью передаю тебе свои краткие поздравления в этом письме. Я сожалею вместе с тобой, что по случаю внезапной смерти твоего любимого дедушки многие твои пожелания не сбылись в этот день.

Как бы жестоко судьба ни обрушивалась на всех нас, и в особенности на тебя, самую юную, мы должны не покоряться и в это жестокое и трудное время быть мужественными и бодрыми.

В день рождения ты подумай о том, в чем состоит твое призвание, как и чем хотелось бы тебе заниматься в жизни, какую выбрать профессию...

Письмо мамы я получил вчера около половины одиннадцатого (то есть в пятницу утром). На него я еще отвечу отдельно. Пусть полиция не позволила мне участвовать в похоронах моего любимого отца, но я знаю, что мысленно вы все были со мной в моей горе в этот день. Большой и сердечный привет маме. Еще раз самые сердечные пожелания. Поздравляю тебя от всего сердца.

Твой отец.

Берлин — Мосбит, 3.11 — 1933 г.».

Прочитав письмо, мы невольно посмотрели на портрет. И будто ожил пронизательный взгляд, будто пристально всматривался отец в лицо дочери, спрашивая:

«Ну, как моя любимая Ирма? Кем ты стала в жизни?»

Я молча наблюдала за ней в эти минуты, боясь неосторожным словом нарушить чувства, которые испытывали мы обе.

— Я представляю себе переживания отца, —

сказала Ирма, — когда он сидел одинокий в камере и знал, что в этот момент мы хороним дедушку Яна. И знаете, эти похороны были настоящей демонстрацией рабочих и докеров Гамбурга. Сколько венков прислали! На красных и черных лентах были надписи: «Последний привет отцу рабочего вождя Эрнста Тельмана!» На других: «Свободу всем политическим заключенным!» Полиция свирепствовала, срывала красные ленты на венках, разгоняла толпу, ведь огромное количество людей шло за гробом дедушки. Нам обещали с мамой, что отца отпустят на похороны, но, как всегда, обманули!

Когда после похорон мы с мамой рассказали папе обо всем, он только гневно сжимал кулаки и взволнованно ходил по камере — бледный, суровый, не находя даже слов, чтобы выразить свое возмущение.

Ирма рассказала мне, что существовала подпольная организация, возглавляемая Антоном Зефковым. Это была так называемая «Группа освобождения Тельмана», ставившая своей целью освободить Эрнста Тельмана из тюрьмы.

Возникла организация вскоре после ареста отца, и вначале в ней было всего несколько членов. Постепенно в нее вливались новые люди, которых подбирали очень осторожно, чтобы не провалить план.

В городе Шпейер на Рейне нелегально собирались члены группы и детально обсуждали план освобождения отца. Уже распределили обязанности каждого в этом рискованном деле. Установили даже связь с Польшей, где находились некоторые подпольщики. В случае удачного побега отца из тюрьмы его сразу переправили бы самолетом через польскую границу.

Все, казалось, было подготовлено хорошо, но неожиданно вся организация провалилась.

— Знал ли отец об этой подпольной группе? — поинтересовалась я.

— Конечно, знал. Мама рассказала ему обо всем им одним понятным языком, кое-что удалось написать на грифельной доске. Знаете, сколько мужества и выдержки проявила мама тогда, ведь каждую минуту можно было ожидать, что гестаповцы догадаются о значении зашифрованной беседы. Тогда и маму бросили бы в тюрьму, но она шла на все, хотя была при этом очень осторожной и предусмотрительной. Отец внешне был как будто спокойным, но вы представьте себе, как он волновался!

Наконец, настала ночь, когда отца должны были вывести из камеры члены подпольной организации, переодетые в форму гестаповцев, будто бы на допрос. Невдалеке от тюрьмы стояла закрытая машина, все подпольщики были расставлены на своих местах. Надежному вах-

мистру из охраны тюрьмы поручили все подготовить.

Этот вахмистр при обходе капнул несколько капель масла в замочную скважину, чтобы ночью дверь без шума открылась. Но масло просочилось сквозь щель и потекло на дверь. Это заметил другой охранник при обходе и поднял тревогу. За этой камерой следили особенно тщательно. Отца тотчас же перевели в другой блок и усилили охрану.

Так провалился план освобождения отца...

Все члены подпольной организации обвиняли вахмистра. Но, однако, позже выяснилось, что дело вовсе не в капле масла. В Праге в партийном центре оказался провокатор. Много лет он работал на гестапо и выдавал членов подпольной организации коммунистов. Все члены были арестованы. Меня и маму арестовали позже.

— Вы себе можете представить, — продолжала Ирма, — как тяжело отец переживал эту неудачу.

— Где вы после школы работали?

Ирма иронически улыбнулась.

— Для дочери Тельмана в Германии не было работы.

Вначале я добивалась места в адвокатской конторе в Гамбурге, но меня боялись принимать, как дочь коммуниста. В Берлине, куда я поехала, мне тоже всюду отказывали, как только я

называла свою фамилию. Пробовала устроиться на производство, посещала биржу труда, читала в газетах объявления и ходила туда, где требовались работницы. Но повсюду мне отказывали.

Было очень тяжело, и я думала: «Почему я стала изгоем в своей родной стране?»

В душе протестовала против такого порядка, но что же можно было сделать в гитлеровской империи? Коммунистов преследовали, бросали в концлагеря, уничтожали, сжигая в крематориях. Отец мой был не просто коммунист, а вождь компартии Германии. Мать тоже коммунистка, я — член молодежной организации. Таким, как мы, не было места на нашей родине.

Позже, когда я вышла замуж, уехала к родителям мужа и там начала работать токарем в мастерской свекра в Зингене.

Но вскоре и мужа моего арестовали, он был коммунист.

* * *

Во время нашей беседы из Трептов-парка возвратилась фрау Роза с Моникой. Ирма сразу же бросилась к своей маленькой дочери, поцеловала ее румяное личико, крепко прижала к сердцу. Целуя ребенка, повторяла:

— Ты — моя радость, мое счастье! Ты — мое будущее!

Фрау Роза, сердечно поздоровавшись со мной, спросила:

— О чем вы тут с Ирмой беседовали?

— Я рассказывала фрау Евгении, как искала для себя работу и не могла никак найти, — улыбнулась Ирма.

— Да, для нас тогда нигде работы не было, — задумчиво сказала Роза Тельман. — Если хотите, я вам сейчас расскажу о своем посещении Геринга, когда он приезжал в Гамбург? — и она весело рассмеялась.

— Это очень интересно, расскажите, пожалуйста, — попросила я. — Неужели он вас принял?

— Где там принял! Испугался, как трусливый заяц, жены Эрнста Тельмана!

Все еще улыбаясь, она начала рассказывать:

— Однажды в Гамбург приехал Геринг. Я пошла к нему в отель, чтобы поговорить о судьбе Эрнста, о смягчении для него тюремного режима, о разрешении чаще видеть его. Кроме того, хотелось добиться работы для Ирмы.

Дверь в отель охраняли два рослых эсесовца.

— Что тебе здесь надобно?

— Пропустите меня, пожалуйста, к Герингу, мне надо с ним поговорить.

Эсесовец, бросив презрительный взгляд на мою скромную одежду, спросил:

— А ты что за важная персона будешь?

— Я — Роза Тельман.

— Не родственница ли тому коммунисту, что сидит в тюрьме?

— Да, я его жена, — гордо ответила я.

— Вот так птица! — рассмеялись они. — Ну, что же! Придется доложить адъютанту.

Вскоре вышел молодой, румяный, откормленный адъютант Геринга и, недовольный тем, что его побеспокоили, спросил:

— Что вам нужно?

— Я бы хотела лично передать Герингу письмо.

— Кто вы такая и как вы смеее просить личного приема?

Узнав, что я жена Тельмана, он с интересом рассматривал меня. Потом сказал:

— Это невозможно. Давайте ваше письмо, я сам передам.

— Нет, я должна лично поговорить о судьбе своего мужа, — настаивала я.

— Не возражайте! — закричал он на меня. — Что там в вашей сумке, покажите!

Я раскрыла свою сумочку и показала ему:

— Тут только ключи от квартиры и документы. Оружия у меня нет, почему же вы не хотите меня пропустить?

Меня вытолкнули на улицу.

В Гамбурге многие меня знали, и вскоре воз-

ле отеля собралась большая толпа. Эсесовцы испугались.

— Не устраивайте тут демонстраций! — закричал на меня адъютант.

— Давайте сюда ваше письмо!

— Пожалуйста, вот письмо. Но ответ я буду ожидать здесь.

В моем письме, кроме вопросов, касающихся Эрнста, была также жалоба на то, что Ирме не дают работы.

Через полчаса адъютант вышел и сказал:

— Письмо я передал лично Герингу. Ваша дочь получит работу.

— А что же будет с мужем?

— О нем позаботится гестапо! — со злой иронией, под хохот эсесовцев, ответил этот упитанный мерзавец.

Меня вывели через черный ход, посадили в закрытую машину и повезли в здание магистрата. Там заперли в одной из комнат под охраной часового и сказали:

— Пока Геринг не выедет из Гамбурга, отсюда не выйдешь!

Только когда поезд с Герингом умчался в Берлин, меня выпустили. Хорошо еще, что недолго находилась под арестом, ведь я очень волновалась, оставив дома Ирму одну.

— Выполнил ли Геринг свое обещание, получила ли Ирма работу? — поинтересовалась я.

— Нет, работу Ирма не получила. При свидании я рассказала Эрнсту о своем «визите» к Герингу. Муж долго смеялся над трусостью фашиста.

* * *

Накануне праздника Первого мая я заехала к Розе Тельман.

— Пожалуйста, заходите, очень рада вас видеть! Вот затеяла большую уборку, на праздник все в доме должно блестеть. Я люблю все делать своими руками.

— Не буду отрывать вас от работы, фрау Роза, зайду как-нибудь в другой раз.

— Что вы? — улыбнулась она. — Ведь нужен небольшой отдых, вот мы с вами и проведем его за дружеской беседой.

В этот день я сидела недолго. Провожая меня, Роза Тельман пригласила:

— Приходите, пожалуйста, на праздник Первого мая, погуляем в Трептов-парке. Там всегда весело, много молодежи. Моя молодость была тяжелой, и я всегда радуюсь, когда вижу теперь счастливые лица девушек и юношей.

...В чудесный майский день мы с фрау Розой и Ирмой гуляли в Трептов-парке и сфотографировались вместе на память о наших встречах.

Ирма Тельман, Евгения Сатулла, Роза Тельман в
Трептов-парке. 1947 год.

По аллеям парка ходила веселая толпа принаряженных девушек, люди собирались возле аттракционов. Издали доносились чудесные мелодичные звуки симфонии Бетховена. Весенний ветерок ласково обвевал лицо и доносил запах первых весенних цветов. Было легко и радостно на сердце, и таяла грусть в этот солнечный майский день.

Роза Тельман сказала:

— Наконец-то немецкий народ у нас, в Восточной зоне, свободно празднует Первое мая! А сколько бывало трудностей для нас, коммунистов, когда мы хотели отметить этот международный праздник! Все же, несмотря на преследование полиции, мы всегда его отмечали. Помню, как впервые я праздновала этот день в 1912 году. На нашем предприятии в день Первого мая рабочие под руководством Эрнста организовали забастовку, требуя повышения заработной платы. Мы организованно прошли улицами Гамбурга со знаменами, плакатами и написанными на красных полотнищах лозунгами. Наш протест и рабочая демонстрация в тот первомайский день принесли успех: заработную плату нам повысили.

Позже, во время первой империалистической войны, праздник Первого мая отмечался под лозунгом: «Долой войну!» Это был призыв коммунистической партии.

Где бы муж ни находился, в Берлине или в каком-нибудь другом городе, он обязательно на Первое мая приезжал домой в Гамбург, шел в гавань к своим любимым докерам. Вместе с ними обязательно принимал участие в первомайской демонстрации, выступал на митинге, призывая бороться за свои права, быть мужественными и сильными в этой неравной борьбе.

В 1945 году я встречала Первое мая вместе с своими освободителями — советскими воинами. Первый комендант города Фюрстенберга Макаров пригласил меня в военный гарнизон Советской Армии. Я была почетным гостем у советских солдат и офицеров. Какой заботой окружили меня русские, разделяя со мной горе утраты любимого мужа и друга жизни.

Не хочется вспоминать об этом страшном времени в такой солнечный майский день!

Но еще радостнее было праздновать Первое мая в 1946 году. Тогда на первомайскую демонстрацию вышли пятьсот тысяч берлинцев. Стройными колоннами проходили они мимо почетной трибуны, где стояли наши партийные руководители — Вильгельм Пик, Отто Гротеволь, Вальтер Ульбрихт и другие. И среди них находилась я... Мне этого никогда не забыть!

Ирма вместе со мной молча слушала рассказ матери. Потом спросила, лукаво улыбаясь:

— А знаете, когда я впервые участвовала в первомайской демонстрации? Никогда не угадаете!

— Интересно, расскажите же!

— Можете себе представить, что четырехлетней девчонкой! Да, да! Не удивляйтесь. Первого мая 1923 года на руках у матери я тоже была в колонне демонстрантов.

— Правда, — улыбнулась Роза, — Ирму не с

кем было тогда оставить дома, и я взяла ее с собой.

— Через два года я уже самостоятельно маршировала в колонне юных пионеров под красным знаменем. И как я гордилась этим!

Под влиянием отца я была активной пионеркой, он учил меня быть всегда мужественной и смелой. И вот я решила на деле показать свою храбрость: мама поехала в Берлин на свидание с отцом. Оставшись одна, в день Первого мая я вывесила на балконе нашего дома на Тарпенбекштрассе маленькую красную ленточку, и она развевалась на ветру.

Все друзья, проходя мимо нашего дома, улыбались, хорошо зная, что означает этот маленький оригинальный флаг.

* * *

Как-то Роза Тельман рассказала мне, что в Лейпциге живет антифашист Йохим Леман. Он много лет просидел в тюрьме, куда его бросили семнадцатилетним юношей.

Одно время он находился в Баутцене, где в последние годы томился Эрнст Тельман. Йохим Леман многое видел и знал о жизни Эрнста Тельмана в те годы.

— Незадолго до своей гибели Эрнст написал Леману письмо, которое удалось переслать на

волю, — сказала Роза Тельман. — Это правдивый человеческий документ. В нем Эрнст откровенно рассказал о жестоком обращении с ним эсесовцев, о своих переживаниях, думах, размышлениях в одиночестве в течение многих лет.

— А где же это письмо?

— Оно хранится у меня.

— Как это ценно! — воскликнула я. — А пишет ли Иохим Леман свои воспоминания?

— Да, пишет, но он очень болен, у него туберкулез легких, полученный в тюрьме. Сейчас ему очень трудно, ведь почти всегда он прикован к постели, но все же недавно сообщил, что заканчивает свои мемуары и скоро привезет их мне на сохранение. Очевидно, боится, что долго уже не проживет, как бы они не пропали.

— Интересно, бы прочесть, что он пишет, — заметила я.

— Вы можете поехать к нему в Лейпциг. Запишите, пожалуйста, его адрес.

Однако вскоре поехать мне не удалось, и как я потом сожалела об этом! Сколько нового и интересного рассказал бы мне Леман, вся юность которого прошла в тюрьмах. А главное, только он один знал о последних месяцах жизни Эрнста Тельмана в Баутцене. Леман писал свои мемуары очень медленно, вспоминая, каким он видел Тельмана в тюремных условиях.

Позже я узнала от Розы Тельман, что Ле-

ман, закончив свои записи, тяжело больной, все же поехал в Берлин, чтобы передать ей все написанное. Но в поезде у него выкрали чемодан с рукописями и документами.

Горе его было безгранично...

— Если бы вы видели, в каком ужасном отчаянии приехал Леман ко мне, — рассказывала Роза Тельман. — Он не мог себе простить, что пропали такие важные и ценные рукописи, над которыми он работал долгое время, напрягая свои последние силы.

Но, очевидно, за ним следили, пропажа не была, конечно, случайной. Кто-то был заинтересован, чтобы эти мемуары не увидели света.

Это событие так повлияло на Лемана, что он вскоре умер и с собой в могилу унес тайну о своих встречах с Тельманом в тюрьме.

— Хорошо, что хоть осталось письмо Эрнста к Леману, — сказала фрау Роза. — В нем Эрнст описал мятарства и издевательства над ним в тюрьмах Моабите, Ганновере и Баутцене. Он предчувствовал свой конец, когда писал Леману, что фашисты добровольно не отпустят его из тюрьмы, и, как ни горько это сознавать, но его ждет один конец: во время наступления Советской Армии и в связи с ухудшением военного положения национал-социалистический режим объявит ему «мат»...

Как он ожидал приближения Советской Ар-

мии и освобождения своего народа от проклятой фашистской чумы, хотя и знал в то же время, что он сам погибнет от рук палачей-гестаповцев!

Душевная боль звучала в ее словах, а в глазах были слезы... Я всем сердцем сочувствовала ей, вместе с ней переживала боль тяжелой утраты... Ведь и у меня было тогда неутешное горе: там, в Германии, через два года после окончания войны трагически погибла моя единственная дочь — комсомолка. Ее убили те фашистские подонки, которые тогда еще прятались в подполье и время от времени вылезали из своих нор, чтобы вредить советским людям, приехавшим как друзья помогать немецкому народу строить новую жизнь — свободную и счастливую.

И мы, две женщины — немецкая и советская, сидя рядом, тесно прижавшись друг к другу, молча переживали свое горе от потери самых близких нам людей. Не в силах мы были сдерживать слезы, общее горе сблизило нас.

— Моего мужа убили фашисты за то, что он был вождем Коммунистической партии Германии, но за что погибло ваше ни в чем неповинное дитя? — после долгого молчания сказала фрау Роза.

Мы долго и задушевно беседовали и в чутких, сердечных, человеческих словах находили успокоение, стараясь сохранить в себе силы, чтобы пережить такое страшное горе.

Так зародилась наша дружба, которая никогда не забудется...

* * *

Бывая в семье Эрнста Тельмана, я многое узнала о жизни его жены и дочери в годы фашистского господства, о посещении его в тюрьме и удивлялась мужеству этих скромных простых женщин.

— Однажды во время нашего свидания, — рассказывала Ирма, — отец написал на грифельной доске: «Ирма! Передаю тебе важный материал, это тетради, полностью исписанные мною. Ты должна их надежно спрятать. Поезжай отсюда в Гамбург и помни о том, что это важные записи и что наши товарищи должны их получить».

Предварительно отец узнал, когда сменяется караул в тюрьме, и в это время перерыва я смогла без проверки выйти из тюрьмы. Все обошлось благополучно. Но когда я приехала в Гамбург, то с ужасом увидела, что в результате бомбардировки город горел. Все уезжали из пылающего города, кто куда. Мои родные выехали в деревню. Что было делать с документами? Ведь отец просил спрятать их надежно, чтобы не нашли гестаповские ищейки. Решила ехать в Берлин.

Как раз я получила из гестапо открытку с вызовом в Берлин для получения пропуска на свидание с отцом. Оказалось, что гестаповцы нарочно сообщили ему о пожаре в Гамбурге, сказав, что там не осталось в живых ни одного человека. Отец встревожился и настойчиво потребовал свидания с нами, чтобы убедиться, что мы живы. Мама была в деревне, и я поехала одна.

— Но как быть с документами? — беспокоилась я. — В Берлине отнесла их одной коммунистке, а сама поехала в гестапо за пропуском. Но тут узнала, что отца перевели из ганноверской тюрьмы в Баутцен. Надо было ехать туда. Забрав документы, я отвезла их своей тете в Вайсвассер, считая, что там они будут надежно спрятаны. Тетя испекла пирог, много подарков передала для отца рабочие, и я с полным чемоданом отправилась на свидание в тюрьму. Увидев меня живой и здоровой, он успокоился и был очень рад, узнав, что документы надежно спрятаны.

— Теперь я расскажу вам о нашем последнем свидании, — сказала Ирма. — Предыдущий раз, когда я посетила отца в Баутцене, он попросил меня приехать к нему через две недели. Я была удивлена, но он, очевидно, беспокоился за сохранность переданных мне материалов и хотел точно знать, что они в целости.

Я выполнила его просьбу, и через две недели снова была в Баутцене. Когда дежуривший у двери полицейский на минутку отвернулся, отец тихо спросил:

— Где материалы?

Я объяснила жестом, что все благополучно. Больше мы ни о чем не могли поговорить, так как тюремный страж на этот раз был особенно бдительным.

Отец попросил меня принести фруктов. Я тотчас же побежала в фруктовый магазин и с большим трудом достала яблок и груш.

Уезжая из Баутцена, я написала ему открытку: «Дорогой папа! Посылай в оптовый магазин Р. Ты там всегда сможешь покупать свежие фрукты». (Об этом я договорилась с продавщицей).

Эта открытка была как гром среди ясного неба. Все почтовые служащие узнали, что Тельман сидит в баутценовской тюрьме, а ведь он был перевезен туда тайно. Гестапо боялось, чтобы ему снова не подготовили побег, и старалось скрыть следы. Советская Армия в то время уже приближалась к границам Германии.

С тех пор мне уже не разрешали посещать отца под своей фамилией.

Отцу сказали: «Ваша дочь занимается пропагандой. Вель только она одна знала, что вы п

Баутцене, а теперь знает весь город! Больше она сюда под своей фамилией не придет».

Отец на это ответил: «Если моя дочь должна приезжать под вымышленной фамилией, то пусть совсем не приезжает! Писать мне письма под псевдонимом я ей тоже не разрешаю!»

Такова была принципиальность и твердость отца. Он пожертвовал радостью свидания со мной, лишь бы не пойти на компромисс с тюремщиками. Его честное сердце не переносило лжи и обмана.

После этого случая еще дважды ездила к нему мама в Баутцен, но уже под своей девичьей фамилией — Роза Кох. Гестаповцы все же настаивали и потребовали от мамы, чтобы она жила в отеле не под фамилией Тельман, которой они боялись, как огня.

Однако скрыть от общественности это было невозможно, и все знали, кто приезжал на свидание к Тельману в тюрьму.

Мне туда путь был уже навсегда заказан...

* * *

Ирма рассказывала о своих переживаниях в концлагере.

— Арестовали меня 16 апреля 1944 года, как раз в день рождения отца. Как мы готовимся к этому дню! Мама напекла пирогов, что-

бы отвезти передачу в тюрьму. Жили мы тогда в Зингене с родителями мужа. Как только мама вышла из дома и направилась на вокзал, к нам ворвалась целая свора полицейских и гестаповцев. Они окружили дом и принялись «хозяйничать» в квартире.

Вы себе не можете даже представить, что эти свиньи натворили! Все перерыли в шкафах, разбросали по полу белье и топтали его грязными сапогами. Искали письма отца, нелегальную литературу и бог знает еще что. Вначале я волновалась, но старалась не показывать виду этим бандитам и спокойно сидела, глядя на разгром в квартире. Меня тревожила мысль: «Что, если они найдут обвинительное заключение, несколько отцовских писем и фото, сделанное в тюрьме?» К счастью, они ничего не нашли. Все же мне сказали: «Вы арестованы! Следуйте за нами!»

В гестапо тотчас же стали допрашивать, но я молчала. И меня отправили в Гамбург.

Что я пережила в гамбургской тюрьме, трудно передать! Меня заперли в одиночную камеру, словно опасную преступницу. Камера была холодная, я дрожала там целый день, а на ночь эти палачи уносили совсем мою одежду и не давали одеяла.

Так прошло почти три месяца, пока, наконец, меня отправили в Берлин под чужим име-

нем — Марты Зурен, чтобы никто не узнал, кто я такая. Мама в это время напрасно добивалась свидания с отцом в Баутцене.

Когда она узнала о моем аресте, то отвезла письма отца в надежное место. А через несколько дней арестовали и маму...

...Как тяжело вспоминать сейчас все пережитое в эти страшные годы в тюрьме и в концлагере!

Вначале я сидела в Шарлотенбурге в полной изоляции. Но как-то вечером я услышала из окна соседней камеры голос. Заключенная спрашивала, не знаю ли я, где Ирма Тельман?

— Это я — Тельман. — ответила я.

Оказалось, что в соседней камере находилась антифашистка, некоторое время сидевшая с мамой в одной камере. Как обрадовалась она, узнав, что я дочь Розы Тельман!

Она всячески старалась ободрить меня и сообщила, что маму отправили в концлагерь Равенсбрюк. Как раз в то время фашисты пустили слух о гибели моего отца во время воздушной бомбардировки Бухенвальда. Но я не верила этому, так как знала, что отец в Бухенвальде не сидел. А заключенная антифашистка сказала мне:

— Не теряйте мужества! Советская Армия уже близко и скоро освободит всех нас!

Вскоре меня отправили в концлагерь Равенсбрюк.

Измученная, больная, вместе с заключенными, прибывшими с этим транспортом, я стояла на лагерном дворе. Но и здесь нашлись друзья. Мне сообщили, что мама находится здесь и скоро мы увидимся, даже сможем поговорить.

С каким нетерпением я ожидала этого счастливого мгновения! Скорее, скорее бы нам увидеться!

Наступил вечер... В темноте меня проводили в барак под названием «Ночь и туман», где находились советские женщины, среди которых была и мама.

Как мы бросились друг другу в объятия! Наши слезы смешались.

В этом до отказа переполненном бараке было очень душно. Мы с мамой прижались друг к другу, чувствуя, как дрожим. Нас охраняли советские женщины, боясь, как бы не заглянула надзирательница.

Какая это была короткая ночь!

Не успели наговориться, как наступил рассвет. Мама давала мне советы, как держать себя в заключении, просила не поддаваться на провокации гестаповцев.

— Я не верю, Ирма, что отец погиб во время бомбардировки Бухенвальда, — сказала мама. — Он ведь там не сидел. Это они, подлые,

хотят сломить наше мужество и причинить боль. Но они не посмеют ничего сделать с ним! Мы скоро будем все вместе, нас освободит Советская Армия! Она уже близко!

Не знаю, верила ли мама в смерть отца или нет, но она утешала меня, и я простилась с ней бодрая, готовая до конца бороться и не поддаваться малодушию.

На рассвете мы расстались...

Русские женщины, всю ночь охранявшие нас, проводили меня теплым, сочувствующим взглядом. Я никогда не забуду этих благородных советских женщин, которые, по рассказам мамы, так заботились и ухаживали за ней, больной, измученной. Сколько любви и нежности проявили они к немке, которая была коммунисткой и женой вождя компартии...

Немного успокоенная, я на рассвете отправилась с транспортом заключенных дальше — в Нойбранденбургский концлагерь.

Там я выполняла самую тяжелую, черную работу на тюремной кухне. А как со мной обращались, можно судить по такому факту: я носила на голове красную косынку, другой не было. Как-то надзирательница, не влюбившая меня, крикнула:

— Сними, наконец, свою красную косынку, коммунистическая свинья!

— Нет, я не свинья, — спокойно ответила я, продолжая чистить картофель.

Взбешенная надзирательница ударила меня кулаком. Инстинктивно защищая лицо, я подняла руку с кухонным ножом и случайно поранила эту фашистку. Она схватила огромную деревянную поварешку и стала меня избивать.

Прибежали эсесовцы, жестоко избили меня, потащили прямо по снегу в карцер. Несмотря на зимнее время, с меня сняли всю одежду, оставили босую, в одной легкой блузке. Две недели я провела в этом каменном мешке, где нельзя было ни лечь, ни сесть: стояла босая на цементном полу, дрожа от холода. Невозможно передать мои мучения! Истощенная голодом, больная, я все время думала об отце, и эти мысли согревали меня, вселяя бодрость и надежду. Очень беспокоила судьба мамы, ведь я же ничего о ней не знала с тех пор, как покинула Равенсбрюк.

Думала, что и она, вероятно, брошена в каменный мешок карцера, и над нею так же издеваются, как здесь надо мной.

До слез было ее жаль, но чем я могла помочь?

Через две недели меня, совсем больную, выпустили, наконец, из карцеоа.

И хотя все девушки, работавшие на кухне, подтвердили, что я ранила надзирательницу

случайно, все же меня отправили на допрос в Равенсбрюк. Сопровождаемая двумя охранниками, с трудом передвигала ноги по снегу. Деревянные колодки спадали, и я их выбросила, шла в чулках.

После допроса, где польские девушки, работающие на кухне, снова подтвердили, что я не виновата и не нападала на надзирательницу, меня отправили обратно в Нойбранденбургский концлагерь, написав на карточке: «Возвращение нежелательно».

Долго я еще болела, но, несмотря на это, меня посылали на грязную и тяжелую работу. Это вконец измотало мои силы, издергало нервы. Одна советская женщина-врач, тоже заключенная, тайно лечила меня, отрывала от своего пайка продукты и кормила. Помогали и другие.

Только благодаря этим заботам я не погибла.

Несмотря на весь ужас переживаемого, я твердо верила, что скоро будет конец нашим мучениям, что придут советские войска и освободят нас. Эта вера давала мне силы.

И действительно, нас скоро освободили. Я была еле живая, почти не ходила, но советский врач начал меня лечить и спас от неминуемой смерти. Этого никогда не забуду и всю свою жизнь буду благодарна советскому врачу.

— Я хочу дополнить рассказ Ирмы о бараке «Ночь и туман» в концлагере Равенсбрюк, — сказала Роза Тельман. — Ведь мне пришлось там сидеть с советскими женщинами вместе, и довольно долго.

Какие это были замечательные женщины!

Гитлеровская пропаганда представляла советских женщин некультурными и жестокими. Когда же пришлось столкнуться с ними ближе, да еще в таких жутких условиях, я поняла, какое золотое сердце и чуткая душа у русской женщины. Сколькo внимания и заботы проявили ко мне советские патриотки, обездоленные, замученные зверским обращением эсесовцев.

Они терпеливо ухаживали за мной, когда я, тяжело больная, лежала одиноко у холодной стены и ко мне запрещали подходить под угрозой смерти.

Их это не пугало... У моей постели дежурили день и ночь, доставали лекарства, нашлась среди них женщина-врач, которая лечила меня. Благодаря ей я начала понемногу поправляться. А женщины, сами голодные, делились со мной своими скудными порциями хлеба и маргарина. Кто-то даже ухитрился достать для меня теплое белье и чулки, хотя это строго запрещалось.

Я выжила в концлагере только благодаря

этим самоотверженным, благородным русским женщинам!

В долгие черные ночи, дрожа от холода, истощенная голодом, я думала о своей единственной дочери Ирме, беспокоилась о ее судьбе. Куда ее отправили тогда, после нашей встречи? Сердце сжималось при мысли о жестокой мести гестаповцев, ведь их грязная, кровавая рука могла коснуться и моей Ирмы.

Ежедневно я видела, как умирали сотни заключенных. Зверства эсесовцев доходили до безумства. Бледные, изнуренные лица женщин в концлагере с глубоко запавшими щеками казались прозрачными. Но все же в их скорбных глазах светилась искра надежды на освобождение Советской Армией. Только этой надеждой все и жили, она поддерживала нас в самые страшные минуты.

Весной 1945 года все чаще стали налеты авиации. В концлагерь доходили слухи о том, что русские уже перешли границы Германии. Эсесовцы свирепели, уничтожая людей. А мы, заключенные, оживлялись, подходили поближе друг к другу, хотя собираться группами нам было запрещено. Но так хотелось обменяться хоть немой, понимающим взглядом и ободрить надеждой на близкое освобождение.

Лихорадочно блестели у всех глубоко запавшие от голода глаза, но женщины опускали го-

ловы, чтобы не выдать палачам своих чувств.

Как часто я думала о муже: доживет ли он до освобождения, встретимся ли еще, не расстреляют ли его палачи?

Как ненавидели они его, эти двуногие звери!

Вспоминала его мужество в тюремных стенах, его благооодное и чуткое отношение ко мне. 13 января 1940 года исполнилось двадцать пять лет, как мы поженились. В тот день поехала в ганноверскую тюрьму и привезла пирог с его вензелем и цифрой «25». Думала, он будет удивлен, так как на свободе, занятый своими партийными делами, очень часто забывал о дне нашей свадьбы.

Но удивилась я, когда зашла в его тюремную камеру! На столе стоял букетик живых цветов, вокруг букета — венок, сплетенный из еловых веток с вырезанной цифрой «25». Он добился у тюремной администрации разрешения купить все это, чтобы отметить нашу «серебряную свадьбу». Сам он был оживлен, с блестящими глазами и сияющей улыбкой. Я чувствовала себя счастливой! Эрнст тоожественно поблагодарил меня за мою дружбу, верность и преданность в эти трудные годы...

С какой болью я вспомичала об этом, когда сама сидела в концлагере. Кто же тепеерь навестит его в тюрьме? Кто принесет, хоть изредка, передачу с воли? Кто узнает о его здорovie,

ведь он в последнее время стал хворать от тяжелого тюремного режима, от сидячей жизни, отсутствия свежего воздуха и угнетенного настроения.

С моим арестом всякая связь его с внешним миром была прервана.

Никакие письма не доходили с воли, даже те многочисленные телеграммы со всех концов мира, которые приходили в день его рождения, администрация тюрьмы ему не передавала. Наоборот, ему говорили:

— О вас уже давно все забыли!

Но он знал, что его не забыли верные друзья, кто еще на свободе борется против фашизма, против войны.

«Кто же принесет мне весточку о муже и дочери?» — с горечью думала я. Незнание мучила и томила, угнетала, унося последние силы хуже, чем болезнь.

А концлагерная жизнь шла своим чередом. На рассвете, еще затемно, все должны были выстраиваться на поверку и стоять часами в дождь и снег, в любую погоду. Кто не выдерживал такой пытки и падал обессиленный, того тотчас же тащили в крематорий.

День и ночь дымились страшные огненные печи, сжигая человеческие трупы. Дым и гарь наполняли воздух, в жаркие дни все задыхались. Лагерный врач с медицинскими сестрами

делал обход по блокам, чтобы выявить умирающих и скорее отправить их в крематорий. Все знали, что их ждет такая же участь.

Среди медицинского персонала в Равенсбрюке находилась военнопленная — врач Антонина Никифорова, известная всем как «доктор Антонина». Многим помогала она, особенно тем, кто попадал как тяжело больной в «ревирный блок». Это — своеобразный лагерный лазарет. Там не лечили, там больные ждали смерти, и дорога оттуда была прямо в крематорий.

Но доктор Антонина, связавшись с медперсоналом ревира, часто по-настоящему лечила несчастных узниц, и, если ей удавалось спасти от смерти кого-либо, в ее больших, добрых и усталых глазах вспыхивал на миг огонек радости.

— Когда я болела воспалением почек, — продолжала Роза Тельман, — то и меня снабжала лекарствами эта советская женщина-врач. Я навсегда благодарна ей.

В концлагере Равенсбрюк в то время сидело много немок-антифашисток, среди которых была и коммунистка Лиза Ульрих — депутат парламента, сотрудничавшая с Кларой Цеткин. Кончался девятый год ее заключения. Одетая в полосатое платье, как все узницы, она выделялась только красным винкелем — треугольником, нашитым на рукав. Это означало, что она особо опасная политическая преступница.

Лиза Ульрих работала в столярном цехе. Часто с инструментом она заходила ко мне в барак, будто бы проверять оконные рамы. Незаметно подкладывала кое-что из продуктов, раздобытых на кухне, или же какую-либо теплую вещь. Изредка удавалось ей пронести газету или журнал, и я с жадностью набрасывалась на чтение, стараясь узнать, что делается на воле, нет ли каких сообщений о муже.

Но о нем ничего не писали...

* * *

С Лизой Ульрих я была уже знакома, знала ее домашний адрес. Поэтому на следующее же утро приехала к ней домой, чтобы побеседовать.

Она встретила меня очень приветливо и рассказала много интересного о своей работе и о Розе Тельман.

— Я почти два года прожила в Советском Союзе, — сказала она, — работала в аппарате Коминтерна в 1924 году. По возвращении в Германию выступала с докладами о жизни в СССР, особенно во время предвыборной кампании в Рейхстаг в 1932 году.

Это, конечно, не нравилось гитлеровским молодчикам, которые тогда рвались к власти. В ноябре 1933 года меня арестовали и отправили в

концлагерь Равенсбрюк. Только через три года выпустили на свободу.

Поступив на фабрику, я вела там нелегально пропагандистскую работу, так как не могла примириться с тем, что фашисты хозяйничают в нашей стране. И снова меня бросили в тот же концлагерь, где просидела около девяти лет.

Когда война приближалась к концу, в 1944 году, мы, антифашистки, узнали о прибытии в концлагерь Розы Тельман и решили во всем помогать ей. Прежде всего достали для нее теплую одежду, которую удалось незаметно стащить со склада.

Во время болезни Розу Тельман тщательно оберегали, чтобы не отправили ее в крематорий.

Члены нашей подпольной организации, которой я руководила (в немецкой группе было сто человек, но было еще несколько групп других национальностей), поочередно дежурили возле фрау Розы, приносили ей лекарства и продукты, доставаемые с большим трудом. Связались мы и с русскими женщинами, среди которых Роза Тельман жила в бараке «Ночь и туман». Действовали сообща.

Наш женский комитет, объединяющий все национальные группы в концлагере, делал все возможное, чтобы жена вождя компартии Германии выжила даже в таких трудных условиях. Когда она поправилась и узнала, кто ее друзья.

то просила, чтобы и ее приняли в подпольную организацию. Ее, конечно, приняли, но избирать в руководство нельзя было, чтобы не провалить всю нашу нелегальную организацию, ведь за фрав Розой постоянно следили.

С болью мы замечали, как постепенно таяли ее силы и она худела на наших глазах, но мужественно и стойко переносила все тягости лагерной жизни.

Когда же узнали, что приближается Советская Армия, то все мы очень волновались и боялись, как бы эсесовцы не убили Розу. Строили всевозможные планы, чтобы помочь ей бежать...

В Равенсбрюке сидела выдающаяся деятельница движения Сопротивления — француженка Мари-Клод-Вайян Кутюрье, которая очень сдружилась с «доктором Антониной» и Розой Тельман.

Дружба в условиях фашистского концлагеря — самая крепкая. Горе сближало нас. Задуманные разговоры, хотя и недолгие, украдкой, все же поддерживали морально, вливали бодрость в измученные тела, давали силы переносить все тяготы жизни в страшном застенке, обнесенном высокой каменной стеной с колючей проволокой, через которую пропущен электрический ток. Отсюда дорога была только в крематорий. Ежедневно умирало по триста-четырееста человек, но прибывали все новые и новые пар-

тии заключенных, которых ждала страшная участь. Мы наблюдали, как сжигали в крематориях горы трупов и восемь перегруженных до отказа печей едва успевали принимать страшный груз из высохших, как скелеты, человеческих тел.

Огромное пламя поднималось к небу, озаря его кровавым заревом, без слов свидетельствующим о страшных преступлениях фашистов перед человечеством.

Такое же пламя пылало в крематориях Освенцима, Майданека, Бухенвальда... Все, кто видели это кровавое зарево и пережили весь ужас концлагерной жизни, никогда не забудут этого и вечно будут благодарить Советскую Армию за свое освобождение, — сказала мне на прощание Лиза Ульрих.

* * *

Я рассказала Розе Тельман о своей беседе с Лизой Ульрих.

— Эта замечательная коммунистка, — сказала она, — для меня много сделала, да и не только для меня. Ее все любили. Она очень переживала и беспокоилась обо мне, особенно в то время, когда невдалеке уже гремели залпы орудий Советской Армии, несущей нам свободу.

На всю жизнь останется в памяти день освобождения...

Был апрель 1945 года. Заключенные с радостью прислушивались к канонаде, гремевшей вдали, словно раскаты грома. Собирались небольшими группами — по трое-четверо и перешептывались.

Помню, как ко мне подошла немецкая коммунистка Мария Видмайер и сказала тихо:

— Роза, нам надо с тобой поговорить, чтобы никто не видел.

Недалеко от швейной мастерской, где работали заключенные, стояла пустая машина. Мы залезли в ее кузов и притаились.

Блоковая была предупреждена и следила, чтобы никто нас не обнаружил. Мы с Марией Видмайер долго обсуждали план спасения, так как боялись, что эсесовцы перед концом могут всех нас уничтожить.

Через несколько дней мне исполнялось пятьдесят пять лет. Жить еще так хотелось, чтобы узнать о судьбе дочери и мужа. Не верилось тогда сообщениям о его смерти в Бухенвальде, — возможно, что это фашистская провокация. Я надеялась еще увидеть мужа живым, освобожденным из тюрьмы советскими войнами.

Мы обсудили план побега при первом же удобном случае. Вскоре такой случай представился.

— Готовьтесь к эвакуации! — раздался резкий голос фашистки-надзирательницы. Все облегченно вздохнули. Ведь эвакуация еще не смерть, все же есть какой-то шанс на спасение.

Подали эшелоны.. Концлагерь, словно муравейник, засуетился, зашумел. Радостно собирались женщины в неведомую дорогу, но удары резиновой палкой по голове возвращали к суровой действительности. То тут, то там свистели нагайки, раздавались крики избиваемых женщин, выстрелы, лай огромных овчарок. Словно бледные тени, одетые в полосатые, как матрацы, лагерные одежды, в грубых деревяшках на больных, израненных ногах, женщины двигались безмолвно, бесшумно, опустив головы.

Плакали дети. Их, этих маленьких мучеников, высохших, как мумии, пригнали к вагонам первыми. Матери сидели здесь же, но отдельно. Детей отрывали от них, чтобы причинить больше горя и страданий. Бледные, изможденные в своей восковой прозрачности лица детей смотрели с надеждой на женщин, ласково обращавшихся с ними.

За долгие месяцы и годы, проведенные в концлагере, в тесноте и грязи, дети отвыкли от ласковых слов и забот. Их всегда окружали эс-совцы и злые немки-надзирательницы, избивавшие несчастных крошек пинками и палками. Детские слезы не трогали сердец этих злых

фурий, утративших человеческий облик и материнские чувства. Свист нагайки и ругань всегда были ответом на плач детей.

— Мама! Мамочка! — бросилась со слезами одна пятилетняя девочка к русской женщине, которая была назначена вместе со мной эвакуировать детей, грузить их в эшелоны.

Русская мать-страдалица прижала к исхудавшей, измученной груди чужое дитя, нежно гладила спутанные, давно нечесанные волосики огрубевшей, но по-матерински нежной рукой.

— Хоть чужое дитя приласкаю, и то легче на сердце, а где-то мое, родное? Должно быть, тоже здесь или уже сгорело в крематории, как тысячи других, — сказала женщина и заплакала.

Дети окружили ее — живые скелеты, обтянутые кожей, со сморщенными, не по-детски серьезными, без улыбки, личиками. Все хотели приласкаться к «маме».

Я тоже прижимала к себе малышей и плакала, вспоминая свою Ирму. Где-то она теперь?

Пробегавшая мимо надзирательница закричала:

— Это еще что за нежности? Шнель! Шнель! Расстреляю!

Детей грузили в эшелоны. Я помогала им, наблюдая ужасные сцены. Проходившие мимо матери протягивали к детям руки, кричали и

плакали, глядя на эти страшные скелеты, в которых трудно было узнать даже родного ребенка.

Но эсесовцы не смягчались при виде материнского горя. В воздухе свистели нагайки, исполосовывая спины несчастных узниц. Матерей к детям не допустили.

Эшелоны были уже переполнены заключенными. Отправлена первая партия. Вдруг раздался страшный взрыв. За ним второй, третий... Мы насторожились. Это взлетали в воздух склады со взрывчатыми веществами. Пламя, словно огненное море, бушевало вокруг.

Вдали слышалась глухая канонада. Пути были отрезаны. Вскоре начался воздушный налет. С самолетов полетели бомбы. Эсесовцы засуетились, им было уже не до заключенных, надо спасать свою шкуру и бежать подальше.

Советские войска приближались...

— Что делать с заключенными? — спросили зондерфюрера лагеря.

— Взорвать вместе с эшелонами! — был приказ.

Но привести этот страшный приказ в исполнение им уже не удалось. Советская Армия наступала со всех сторон с молниеносной быстротой. У эсесовцев не оставалось времени для расправы. Все, кто мог, начали разбегаться.

Я смотрела на русскую женщину, которая

возилась с плачущими детьми, успокаивая их. Было страшно за судьбу детей.

— Что же нам теперь делать? — спросила я ее.

— Вам надо бежать! И немедленно.

— А вы?

— Я останусь с детьми. Скоро сюда придут наши советские войска, и все будет хорошо. А вам надо пока где-нибудь спрятаться, чтобы убегаящие эсесовцы не пристрелили. Пересидите в лесу, вы там будете не одна.

И я бежала...

В лесу я действительно встретила советских девушек-партизанок, тоже бежавших из нашей камеры «Ночь и туман». Они помогли и здесь. Ведь я была совсем больна, едва держалась на ногах. В лесу — сыро, холодно. Был апрель... Кто-то из девушек накинул мне на плечи теплый платок. Я еле сдерживала слезы, видя такую заботу обо мне, чужой для них женщине.

Поздно вечером постучала в домик на окраине Фюрстенберга, выбрав победнее. Мне открыли. Я была в полосатом халате узницы концлагеря. Пришлось сказать чужим людям, кто я.

Меня тотчас переодели, накормили и спрятали. Там я скрывалась два дня. На третий в город вступили советские войска...

Наконец пришло освобождение!

Первые солдаты, которых я увидела, были

мне как родные. Я с восторгом смотрела на красные звездочки на их запыленных пилотках. Жители прятались от русских, боясь расправы, но я первая смело вышла навстречу. Смотрела на советских солдат, не решаясь заговорить, и слезы текли по щекам. «Отчего вы плачете?» — спросил меня молодой паренек с лихо сдвинутой набекрень пилоткой.

Я, конечно, не поняла вопроса. Тогда он объяснил знаками, что надо, мол, радоваться, а не плакать.

— Я плачу от счастья, я — Роза Тельман, — сказала я.

Солдат по-немецки не понимал, но, услышав знакомую фамилию Тельман, удивился, почему плачущая женщина вспоминает всем известное имя вождя Коммунистической партии Германии. Настойчивое повторение фамилии Тельман заставило его призадуматься.

— А ну-ка, позови переводчика! — сказал он другому солдату.

Вскоре пришел молодой лейтенант, поговорил со мной и сказал:

— Сейчас мы сообщим о вас коменданту, он поможет во всем, а мы должны идти дальше вперед и гнать эту нечисть.

Через некоторое время пришел только что назначенный комендант Фюрстенберга Мака-

ров вместе с миловидной девушкой — переводчицей Дусей.

Со слезами на глазах, волнуясь, я рассказала о себе, а Дуся переводила коменданту мои слова. Видя перед собой измученную и больную женщину. Макаров в гневе сжимал кулаки.

— Успокойтесь, товарищ Роза Тельман! Пойдемте с нами, и все будет хорошо. Теперь вы свободны, а это — главное.

Дорога шла через парк. Апрельский вечер запомнился мне навсегда. Распускались почки на деревьях, щебетали птицы.

В парке расположилась воинская часть. Кое-где горели костры, потрескивали сухие ветки, пахло дымом и гарью пожарищ.

В сумерках я еле различала обветренные, запыленные веселые лица русских солдат-победителей. Я прислушивалась к звукам незнакомой речи, к громкому смеху людей, прошедших тысячи километров, чтобы освободить народы от фашизма.

Как мне хотелось поближе подойти к ним, поблагодарить за освобождение! Было так досадно, что не знаю русского языка. Я только молча плакала...

В комендатуре меня накормили и устроили на ночлег. Переводчица Дуся осталась со мной.

На другое утро, когда я выспалась и немного

отдохнула, комендант спросил, есть ли какая просьба к нему.

— Да, — ответила я, — мне хочется поскорее узнать, где моя дочь и жив ли муж.

— Постараемся разыскать вашу дочь и узнать о судьбе Эрнста Тельмана, — успокоил он. — А сейчас отдыхайте, набирайтесь сил для предстоящей встречи со своей семьей.

Комендант, конечно, тогда уже знал об убийстве Эрнста в концлагере Бухенвальд, ведь об этом, как я выяснила позже, писала советская пресса. Но он щадил меня, не хотел омрачать отдых.

Вскоре мне сообщили, что Ирма жива и находится в Гюстрове. Но ехать к ней нельзя, так как она тяжело больна и лежит в больнице.

Переводчица Дуся, замечательная советская девушка, тоже хлебнувшая горя, будучи угнанной в Германию с родной земли, стала моим другом. Мы с ней часто беседовали, вспоминая пережитое, и делились планами на будущее.

Было нестерпимо жить без Ирмы, хотелось поскорее ее увидеть. Я не могла больше ждать и поехала в Гюстров.

20 мая мы встретились. Какое это было счастье! Передо мной стояла бледная, худая, неузнаваемая Ирма с лихорадочно блестящими глазами и впалыми щеками. Но главное, она осталась жива и мы были, наконец, вместе!

Советские офицеры, присутствовавшие при нашей встрече, улыбались, радуясь вместе с нами. Один генерал сказал:

— Ну, вот вы и встретились! Погодите, мы с вами еще в Москве встретимся! Поправляйтесь только.

А Ирма подвела меня к молодому капитану Донову — врачу, лечившему ее, и сказала:

— Вот мой спаситель! Только благодаря капитану я осталась жива. Он лечил меня, полуживую, истощенную, и поддерживал во мне бодрость духа, говоря:

— Все будет хорошо, Ирма! Отец и мать живы и ждут вас, поправляйтесь скорее.

— Спасибо вам, капитан, за дочку, — взволнованно, со слезами на глазах, благодарила я советского врача.

— Как жаль, что я не знаю имен двух советских женщин, которые работали в лагерьном лазарете и спасли мне ногу, — сказала мне Ирма. — Ведь нога моя так было распухла и почернела, что врач-эсесовец приказал ампутировать. Но советские женщины лечили меня, с риском для жизни доставая нужные лекарства из аптечки эсесовца. Где они теперь, эти славные женщины? Как я им благодарна, что не осталась калекой!

— Все кошмары теперь позади, дорогая

Ирма! — говорила я дочери, радуясь в эти первые минуты долгожданной встрече...

— А как вы узнали о смерти мужа? — спросила я Розу Тельман.

— Вскоре выяснилось, что Эрнст был убит и сожжен в крематории концлагеря Бухенвальд. Гитлеровцам очень не хотелось, чтобы народ узнал правду о злодейском убийстве Эрнста, и они придумали такую версию: по немецкому радио 14 сентября 1944 года было сообщено, что во время англо-американского воздушного налета 28 августа на окрестности Веймара и концлагерь Бухенвальд было сброшено много бомб. Среди погибших оказались и бывшие депутаты Рейхстага Тельман и Брейтшейд.

Однако это сообщение является грубой ложью, так как в передаваемой ежедневно по радио информации говорилось: «28 августа над имперской территорией ни одного вражеского боевого соединения замечено не было».

Когда в конце 1947 года судили бухенвальдских палачей в Дахау, свидетель-антифашист рассказал, как убили Эрнста Тельмана:

«Я был назначен обслуживать печи крематория в Бухенвальде. Ночью 18 августа к воротам концлагеря подъехали две машины. Из них вывели двух человек, которых сопровождал усиленный отряд охранников-эсесовцев. Мне скормили:

— Убирайся вон отсюда!

Я ушел и спрятался в темноте за дверь. Раздалось несколько выстрелов. Убитых эсесовцы сожгли сами.

Когда же они уходили, до меня донесся их злорадный смех и возглас:

— Наконец-то мы расправились с Тельманом!

После, выгребая пепел, я заметил металлический слиток в печи: это были расплавленные часы Эрнста Тельмана.

Версия о его смерти во время воздушной бомбардировки концлагеря, придуманная фашистами, чтобы замести следы, не соответствует действительности».

* * *

Бухенвальд — означает буковый лес. Невдалеке гора — Эттерсберг. Это — живописный уголок Тюрингии. Природа здесь великолепна. Старый густой лес стоит во всей своей красоте. Стройные буковые деревья переплетаются с могучими дубами, высокие скалы и глубокие рвы перерезают лесной массив. Тишина и лесная прохлада царят здесь.

Когда-то знаменитый поэт и философ Вольфганг Гёте, живший в Веймаре, любил этот живописный уголок Тюрингии. Гора Эттерсберг была излюбленным местом его прогулок. Могу-

чий дуб, раскинувший свои ветви великолепным шатром, часто служил ему местом отдыха. В тени так приятно было наслаждаться прохладой, вдыхать свежий аромат лесного воздуха.

Гёте любил здесь обдумывать свои произведения. Тишина леса и тихий шелест листвы создавали особенное, творческое настроение. И дуб, под которым он часто сидел, называли «дуб Гёте».

Веймарцы любили в воскресные дни выезжать сюда на прогулки. И часто под этим дубом звенел радостный смех молодежи, слышались песни. А потом всю неделю дремал букочный лес.

Прошли годы...

Вековую тишину леса нарушили крики и стоны несчастных жертв фашизма. Гитлеровцы не посчитались с достопримечательностью местности, и этот букочный лес, и знаменитый «дуб Гёте» стали свидетелями неслыханного в мире террора.

...Вместе с советскими офицерами, которые сопровождали меня в поездке в Бухенвальд, мы остановились возле памятника Бисмарку — в двух километрах от концлагеря. Вышли из машины, чтобы осмотреть памятник.

По серому хрустящему песку прошли мимо многочисленных холмиков-могил. Здесь похоронены жертвы фашизма.

Вокруг памятника тянулася глубокий ров, также наполненный серым песком. Взяла горсть этого песка и с удивлением рассматривала его. Оказалось, что это... человеческий пепел. В глубокой нише внутри памятника офицеры обнаружили небольшие урны с таким же пеплом. Как выяснили позже, эсесовцы делали свой бизнес и на человеческом горе: сообщая родным о смерти какого-либо заключенного антифашиста, они продавали им урну, наполненную пеплом из крематория.

Подъехали к Бухенвальду.

Вот они, эти зловещие красно-кирпичные печи с высокими трубами, врезавающимися в небо. День и ночь дымились эти трубы, сжигая заключенных, отравляя ядовитым удушьем окрестный воздух вокруг Веймара.

Бухенвальд...

Одно это название заставляло трепетать человеческое сердце. На железных воротах концлагеря, обнесенного колючей проволокой с пропущенным электрическим током, издевательская надпись: «Каждому — свое». Справа — гранитная пещера, окруженная глубоким рвом. Это — грот «Белых медведей», специально построенный для гнусных развлечений жены коменданта концлагеря — Ильзы Кох. О ней рассказывали страшные истории, которые нельзя слушать без содрогания.

После войны в Бухенвальде сидели заключенные фашисты, а комендантом был советский полковник. Он рассказал нам:

— Здесь, в Бухенвальде, свирепствовала садистка — рыжая Ильза, жена коменданта Коха. Она любила кровавые сцены и не могла сесть за стол завтракать, пока не застрелит из своего маленького браунинга несколько человек военнопленных. Выйдя на балкон, она выбирала самых молодых, служивших ей живой мишенью, и целилась прямо в сердце.

Вечерами Ильза Кох приходила к гроту «Белых медведей» и садилась за столик. Тут уже сидели эсесовцы, пили пиво, вино, весело смеялись, слушали музыку. А рыжая Ильза с нетерпением ожидала, когда приведут молодых заключенных, чаще всего советских комсомольцев, и бросят их в грот на съедение белым медведям. Тут начиналась кровавая забава для садистки.

Медведи с ревом набрасывались на юношей, разрывая их на части, и вода в глубоком рве окрашивалась кровью..

С диким наслаждением, выпучив свои безумные глаза, Ильза Кох следила за человеческой трагедией.

Потом переходила к змеиной пещере, куда пригоняли обреченных на ужасную смерть детей. Как упивалась фашистка видом их му-

чений, когда огромный удав обвивался вокруг детского тельца страшным кольцом...

Но вскоре ей и это надоело, она искала все новых и новых жутких развлечений. Заметив на груди или на руках узника татуировку, приказывала его немедленно убить и изготовить из человеческой кожи абажуры, сумочки, перчатки.

Много вещей из человеческой кожи было в ее квартире. Она окружила себя страшными изделиями, на ее письменном столе стоял череп, служивший ей чернильным прибором.

— А где все эти вещи? — спросили мы коменданта.

— Их забрали американцы, чтобы продемонстрировать во время судебного процесса в Дахау, когда судили группу эсесовцев, в том числе и Ильзу Кох. А вот посмотрите на этот выключатель, он сделан из человеческих ногтей, — сказал комендант.

Содрогаясь от ужаса, мы подошли к выключателю и осмотрели эту страшную вещь.

— Какой же приговор вынесли этой садистке?

— Международный суд в Дахау Ильзу Кох приговорил к пожизненному заключению. Но потом американцы смягчили ее участь и ограничились всего четырьмя годами, включая и время, проведенное в тюрьме. Но и в тюрьме она не скучала: ее навещали иностранные корреспон-

денты и просили интервью о кровавых забавах. В Америке любят сенсации, и вскоре Ильза Кох стала самой знаменитой героиней комиксов.

Мы осмотрели манеж, построенный для прихотей садистки. Там нашли себе смерть тысячи заключенных: их ставили на колени полукругом вдоль всего манежа, а жена коменданта гарцевала на белой лошади, стреляя на ходу в голову каждому пленнику.

А вот и «хитрый домик», где убивали преимущественно советских офицеров. Он устроен как медпункт для осмотра врачами. Когда же раздетый офицер становился на возвышение будто бы для измерения роста, ему стреляли в затылок через специальное отверстие в стене. Кровь стекала через желобок в яму...

— Сколько же здесь погибло людей?!

— По подсчетам, далеко не полным еще, в Бухенвальде погибла пятьдесят одна тысяча человек, в живых из пленников осталось немного. Здесь нашел свою смерть и Эрнст Тельман. Его убили здесь и сожгли в одной из печей крематория, — закончил полковник свой рассказ, прощаясь с нами.

Потрясенные всем виденным и услышанным, мы уехали. Проезжая чудесным буковым лесом, через который шла асфальтовая дорога, каждый думал о мужестве людей, сидевших там, за колючей проволокой.

Герои Бухенвальда сами освободили себя: незадолго до прибытия американских войск в Веймар заключенные подняли восстание, перебили стражу из вооруженных эсесовцев и стали свободными. Сколько же надо было стойкости, мужества, чтобы изнуренные голодом, замученные пытками люди в таких нечеловеческих условиях победили...

Помогла в этом международная солидарность заключенных из разных стран — участников подпольной организации, руководимой советскими офицерами

Из Бухенвальда ехали молча. Не могли говорить после всего виденного.

Лес шумел... Легкий восток шевелил листья на столетних буковых деревьях, перебирая их, как струны.

— А где же знаменитый «дуб Гёте»? — спросила я.

— Осквернили его гитлеровцы: на нем вешали тех, кто пытался бежать из концлагеря и был пойман, — сказал один из офицеров.

На всю жизнь запомнилась эта поездка...

• • •

В Германской Демократической Республике расцвела новая жизнь. Встают из руин города. Застраиваются новые кварталы, восстанавли-

ваются фабрики и заводы, которые теперь принадлежат немецкому народу.

Крестьяне, объединившиеся в сельскохозяйственные производственные кооперативы, обрабатывают земли, принадлежавшие раньше могущественным юнкерам и помещикам.

Новые люди, воспитанные на идеях Маркса, Энгельса, Ленина, Либкнехта, пришли на смену фашистским молодчикам с их человеконенавистнической идеей разрушения, уничтожения, смерти.

Дело Эрнста Тельмана, его идеалы и мечты осуществляются в Германской Демократической Республике.

Активно участвовала в строительстве новой жизни в своей стране его верная подруга — Роза Тельман. Несмотря на пожилой возраст, она была полна энергии и сил, бодра и деятельна.

Неутомимо разъезжала она по стране, выступая перед народом, рассказывая о замечательной жизни и борьбе своего незабвенного мужа, верного друга на жизненном пути.

С какой любовью встречали ее повсюду!

Когда в ГДР готовились к съемке художественно-документального кинофильма «Эрнст Тельман — вождь своего класса», Роза Тельман вместе с режиссером Куртом Маэццигом и исполнителем роли Эрнста Тельмана, лауреатом

Национальной премии артистом Гюнтером Си-
моном, а также и с другими артистами соверши-
ла поездки по многим городам Германии.

Вот что она рассказывала об этом путешест-
вии своим друзьям: «Мы встречались со многи-
ми ветеранами революционного движения в
Германии — соратниками Эрнста Тельмана, и
они со слезами на глазах вспоминали своего
вождя».

Один старый рабочий в Вайзенфельде ска-
зал: «Дорогой товарищ Роза Тельман! На этом
самом месте в 1925 году мы с нашим дорогим
Эрнстом Тельманом совершили триумфальное
шествие через весь город во время выборов в
Рейхстаг. Вместе с нами шел народ, шли те, кто
не хотел войны, а хотел мира и дружбы со всеми
странами».

С искренней радостью встречали меня совет-
ские офицеры и их жены. Они преподносили мне
роскошные букеты цветов и приглашали в го-
сти, как самого дорогого и близкого человека.

После премьеры первой части фильма об
Эрнсте Тельмане к Розе Тельман зашел домой
артист Гюнтер Симон. Она подарила ему фото-
карточку мужа и сказала:

— Надеюсь, что вы тоже будете членом на-
шей партии.

Готовясь к съемке второй части фильма,
Гюнтер Симон стал много читать о жизни и дея-

тельности вождя компартии Германии, беседовал со старыми рабочими и товарищами Эрнста Тельмана по подпольной работе, лично знавшими его.

Все это помогло артисту глубже понять создаваемый им образ. И когда Роза Тельман смотрела уже вторую часть фильма, то воскликнула:

— Да! Да! Так все это было!..

Позже сам Гюнтер Симон рассказывал Розе Тельман, что писатель Вилли Бредель в самом начале его работы над ролью сказал:

— Как вы можете играть роль Эрнста Тельмана, ничего не зная о его работе, о его партии? Вы интеллигентный человек и понимаете, что надо глубоко изучить то, о чем вы хотите поведать миру.

И когда через некоторое время они вновь встретились, то Гюнтер Симон был уже кандидатом в члены Социалистической единой партии Германии и мог с уверенностью сказать:

— Да, вы были правы!

* * *

За благородную деятельность в пользу мира Роза Тельман была награждена орденом Карла Маркса. Она — член президиума Комитета антифашистских борцов, член правления Демокра-

тического союза женщин Германии, почетный президент пионерской организации.

Много разъезжала она не только по своей стране, но побывала в Польше, Румынии, Чехословакии, Болгарии, и повсюду звучали ее гневные слова:

— Мы не можем безучастно смотреть, как западногерманский бундесвер стремится к обладанию атомным оружием. Реваншисты вновь кричат о походе на Восток и пересмотре границ, открыто угрожают нашему мирному созидательному труду.

Мы не можем молчать, когда бывший «лагерный врач» Герта Оберхойзер, проводившая бесчеловечные опыты над девушками и женщинами и варварски умертвлявшая свои жертвы, ныне разгуливает на свободе под защитой боннского правительства.

Мы не можем молчать, когда нацистские судьи, отправившие на эшафот тысячи мужчин и женщин, снова вершат свое черное дело в западногерманских судах, преследуя борцов за мир.

Роза Тельман ездила в Западную Германию, в город Мюнхен, на собрание антифашистов, сидевших в концлагерях. Боннское правительство вынуждено было разрешить это собрание, хотя сотни агентов следили за его участниками.

Когда она возвращалась домой, то ее в дороге задержали и обыскали, перерыв все вещи в чемодане.

«Что они у меня искали, неизвестно, — говорила друзьям фрау Роза. — Но у меня было такое чувство, будто я снова нахожусь в гитлеровской Германии».

Искренний друг Советского Союза, она часто выступала в воинских частях перед советскими солдатами и офицерами.

Офицер советских войск в Германии писал:

«На всю жизнь запомнится нам тот день, когда мы, советские солдаты и офицеры, незадолго до празднования сорок второй годовщины Советской Армии и четвертой годовщины Национальной народной армии Германской Демократической Республики встретились с ветеранами немецкого рабочего движения, в том числе и с Розой Тельман. Это была демонстрация незабываемой дружбы между советским народом и трудящимися ГДР».

* * *

Когда Розу Тельман избрали депутатом Народной палаты, перед ней открылось новое поле деятельности, возникли новые задачи и обязанности, требующие большого опыта, силы и знаний.

Предприятия, школы, детские дома и пионерские лагеря назывались в честь Эрнста Тельмана его именем. И повсюду приглашали его верную подругу, чтобы от нее услышать рассказ о мужественной, полной борьбы жизни вождя компартии Германии.

На предприятиях, в сельскохозяйственных кооперативах, в школах и университетах, на фабриках и заводах — повсюду звучал сильный голос Розы Тельман. Уже в пожилом возрасте она упорно и настойчиво работала над собой.

Как-то, выступая в своем родном городе Гамбурге перед большой аудиторией, она сказала:

— Сегодня я приехала из Германской Демократической Республики, где претворено в жизнь то, для чего жил Эрнст Тельман и за что боролись миллионы немцев.

Не раз она после войны посещала Советский Союз, где лечилась от тяжелой болезни. Встречи с советскими людьми были особенно радостными для Розы Тельман. Она не забывала, что советские женщины помогали ей в трудные дни в концлагере и упорно разыскивала тех, кого знала лично, интересовалась их судьбой.

С некоторыми она вела переписку. На ее имя в Берлин приходили письма из разных стран и городов, и она всегда охотно отвечала своим далеким корреспондентам.

Розе Тельман захотелось узнать о судьбе переводчицы Дуси, которая прожила в ее семье более года. Они вместе ездили по различным городам, и Дуся помогала общаться с советскими людьми, была лучшим другом, с которым делились и горе, и радость.

Когда фрау Розу и Ирму пригласили в Москву, Дуся приехала вместе с ними. Но пришло время расстаться.

Дуся поехала домой, в колхоз на Полтавщине, где жила ее семья, а Роза Тельман с дочерью уехала на юг лечиться.

Долго потом вспоминались встречи в Москве с Димитровым, которого они посещали на даче, и с М. И. Калининым, принимавшим их в Кремле.

Навсегда остались в памяти и гостеприимная советская столица, и ее чудесные люди, теплый, солнечный Крым, где лечились в санатории, и синее море, на берегу которого так хорошо было отдыхать, слушая шум прибоя и глядя на огромные волны, рассыпающиеся серебристыми брызгами.

Возвращалось здоровье и вместе с ним радость жизни. Кошмарным сном казалось пережитое в годы фашистского господства, особенно страшные мучения в концлагере

Прошли годы .

Но память сердца сохранила образ молодой девушки — советской переводчицы, хотя фамилия ее забылась.

Роза Тельман написала письмо в «Комсомольскую правду», приложив карточку, где сфотографированы она, Ирма, Дуся и первый командант Фюрстенберга — капитан Макаров, так много помогавший ей в первые дни после освобождения.

И Дуся откликнулась.

Прочитав статью в газете и увидев знакомую фотографию, сельская учительница Евдокия Ивановна Киричук от радости заплакала, прижав к сердцу газету.

Нелегко сложилась ее судьба. Выйдя замуж, она приехала с мужем в Западную Украину, где после войны бендеровцы терроризировали советских людей.

Вскоре убили ее мужа. Оставшись одна с маленьким сыном, Дуся поехала учительствовать в село Кутянку.

Через несколько лет она снова вышла замуж, и семья увеличилась — сейчас у нее трое детей.

Из Кутянки полетело в Берлин радостное, сердечное письмо Розе Тельман. И вскоре пришел ответ:

«Моя дорогая Дуся с семьей!

Твое письмо принесло мне много радости, ведь после такого длительного времени я вновь услышала о тебе и очень радуюсь, что у тебя уже есть семья.

Да, моя дорогая! Все вспомнилось вновь, ведь никогда не забыть тяжелых лет войны. Война — это ужасно! Мы приложим все усилия, чтобы война никогда больше не повторилась, чтобы был на земле мир.

Мне уже семьдесят один год, но я хотела бы быть на двадцать лет моложе, чтобы иметь силы побольше работать...

У вас прекрасная родина! Люблю Советский Союз и людей, которые там живут. Мы счастливы были услышать об огромных успехах советских людей в науке и гордимся вашими космонавтами — Гагариным и Титовым.

Дорогая Дуся! Приглашаю тебя к себе в гости в Берлин. У меня уже были в гостях некоторые женщины, с которыми я сидела в Равенсбрюке. Мы были очень рады встретиться вновь в мирных условиях.

Да, дорогая! Мир — это главное, и мы все будем делать, чтобы сохранить его.

Сердечно приветствую тебя и твою семью.

Роза Тельман».

Разыскала Роза Тельман и первого советского коменданта — майора в отставке Бориса Сергеевича Макарова. Она написала ему теплое, дружеское письмо в Козельск Калужской области, где он сейчас живет.

Теплые, искренние письма, которые советские люди получали от Розы Тельман, согревали сердца, укрепляя дружбу между нашими народами. А корреспондентов у нее было много в разных городах нашей Родины...

* * *

К Розе Тельман в Берлин приезжали женщины, сидевшие с ней в Равенсбрюке, и она радушно принимала их как своих лучших друзей.

Из Ленинграда приезжала врач Антонина Александровна Никифорова, или «доктор Антонина», как ее все звали в концлагере. Теплой, сердечной была их встреча.

Прилетела в Берлин прямо из Хельсинки, с заседания сессии Международной демократической федерации женщин и француженка Мари-Клод-Вайян Кутюрье — вице-председатель Национального собрания Франции.

Женщины всех стран, сидевшие в Равенсбрюке, собирали экспонаты для музея, который должен был скоро открыться на месте страшных преступлений фашизма.

Австрийские женщины прислали красное знамя, сшитое из красных винкелей — треугольников, которыми клеймили антифашисток.

Из Франции прибыли, как экспонаты, маленькие блокнотики, величиной с половину ладони. В них мелкими буквами переписана ленинская работа «Что делать?», служившая пособием для участниц подпольного политического кружка в концлагере.

Из Советского Союза доктор Никифорова привезла много материалов: записанные рассказы бывших заключенных, обработанные ею, письма, фотоснимки замученных жертв и воспоминания оставшихся в живых.

Торжественно прошло открытие памятника жертвам фашизма в Равенсбрюке 12 сентября 1959 года.

Из всех стран в Берлин съехались женщины-делегатки, бывшие узницы концлагеря.

При встрече, восторженно приветствуя одна другую, женщины не переставали удивляться. Каждая говорила:

— Какая же ты, оказывается, молодая! Ну совсем как девушка! А в лагере ходила худющая, как скелет, старая...

— Ты тоже помолодела! — отвечала другая. — Просто не узнать!

Все прибывшие привезли с собой какой-либо подарок для подруг по заключению. Францу-

женка Филиси подарила для музея серию рисунков, сделанных ею в годы тяжелой неволи прямо с натуры. Это — страшные обличительные документы! С риском для жизни создавались они, и теперь будут ярким свидетельством фашистских зверств и насилия.

Роза Тельман приехала вместе с дочерью Ирмой.

На машинах поехали из Берлина в Равенсбрюк. Дорогой шутили, смеялись, но как только увидели страшные трубы крематория, стало вдруг жутко...

Все вспомнилось в светлый сентябрьский день золотой осени, когда ярко еще светило солнце и ароматный воздух опьянял, словно живительный нектар.

Прошое не забылось... Оно вновь ожгло при виде высокой каменной стены с колючей проволокой, за которой было пережито столько горя и страданий.

...Митинг открыла дочь Антона и Энне Зефков — Бербель. Она никогда не видела своего отца-антифашиста, казненного в Бранденбургской тюрьме.

Ее мать находилась здесь и испытала все ужасы фашистских издевательств.

Бербель сказала:

— Когда Советская Армия в 1945 году от-

крыла двери лагеря смерти, моя мама оказалась здесь среди живых, а отец погиб... Я никогда его не видела. Матери и отцы! Не допускайте больше никогда, чтобы ваши дети были разорваны бомбой или раздавлены на полях сражений. А мы присоединим свои молодые силы к вашей борьбе за мир...

К микрофону подошла Роза Тельман.

Она предложила почтить память погибших здесь минутой молчания. И наступила тишина, полная скорби и воспоминаний о пережитом.

«Пусть памятник этот, — начала свою речь Роза Тельман, — расскажет миру о женщинах Равенсбрюка, которые боролись за то, чтобы навсегда изгнать фашизм и войну из жизни человечества, чтобы подрастающее поколение могло идти навстречу радостному, светлому будущему.

...Народы, в том числе и наш, немецкий народ, не для того перенесли такие тяжелые страдания, чтобы снова дать ввергнуть себя в катастрофу новой опустошительной ядерной войны.

...Давайте же все мы со всей решимостью, силой и страстью, безразлично, на каком языке мы говорим и какого мировоззрения придерживаемся, как один, встанем на защиту жизни.

И тогда восторжествует мир в Европе и во всем мире!»...

С памятника спадает покрывало. И все уви-

Памятник жертвам фашизма в Равенсбрюке.

дели на высоком постаменте изможденную женщину со скорбным лицом, прижимающую к себе дитя.

...Одна за одной выступали делегатки разных стран. Каждая говорила на своем языке, но все поклялись здесь, у могил замученных жертв, бороться за мир.

Советская делегатка, встреченная бурной овацией, рассказала о борьбе советского народа за мир.

«Мир! Да здравствует советский народ!» Все бросали к трибуне букеты цветов. Потом в небо взлетели десятки голубей.

В музее бывшего концлагеря были собраны страшные экспонаты: восковые фигуры женщин, высохших, как скелеты, и лежащих на нарах в ряд, тачки с тяжелыми камнями, полосатая одежда узниц, орудия пыток, стол, на котором истязали женщин.

Все это вселяло такой ужас, что многие плакали...

— Зачем нам все это показывают снова? Мы все это сами пережили, — говорили некоторые.

— Надо показывать, чтобы никто не забывал об этом страшном кошмаре. Пусть все увидят и содрогнутся! Тогда упорнее будут бороться за мир.

* * *

Когда в Пушкино, близ Ленинграда, был открыт памятник Эрнсту Тельману, подаренный рабочими немецкого города Эйслебена, Роза Тельман приехала на открытие его. Она сказала:

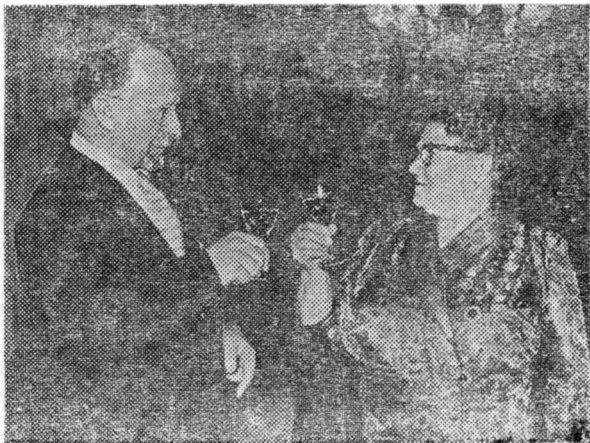
— Немецкие рабочие во время войны спасли от переплавки памятник Ленину и прятали его от фашистов до тех пор, пока не пришли советские войска. После освобождения они установили этот памятник у себя в Эйслебене.

Теперь же я присутствую на открытии памятника Эрнсту Тельману у вас на родине. Наша дружба крепкая и вечная!

* * *

28 марта 1960 года, в день рождения Розы Тельман Центральный Комитет Социалистической единой партии Германии обратился к ней с приветственным посланием, отметив ее заслуги перед партией, ее верность и помощь в самое тяжелое время руководителю компартии Германии — Эрнсту Тельману.

Сердечные и дружеские приветствия прислали ей различные организации, товарищи по партии, пионеры, женщины, друзья из всех стран мира.

Вальтер Ульбрихт поздравляет Розу Тельман с днем рождения. 1960 год.

Среди цветов, которые щедро дарили ей в этот день, выделялся огромный букет из 70 красных роз — по числу ее лет, — который прислал ей Вильгельм Пик.

Приветствовать приехал к ней домой первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт.

Много писем получила Роза Тельман из Советского Союза.

В апреле 1962 года на международной встрече узников Бухенвальда в связи с семнадцатой годовщиной освобождения бывший заключенный Людвиг Ландвер, выступая на митинге, сообщил всем собравшимся, что убийцы Эрнста Тельмана живы и находятся в Федеративной Республике Германии.

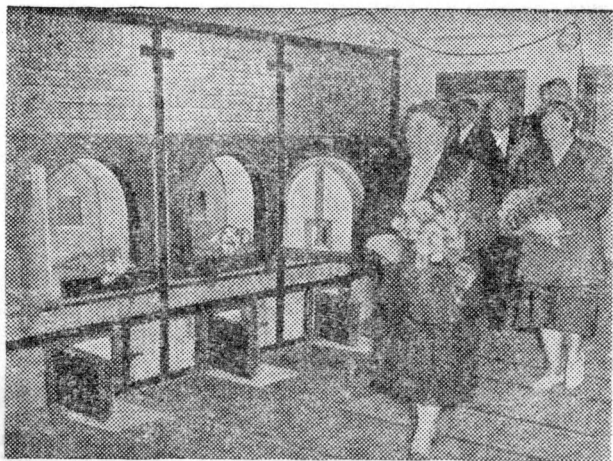
Неужели убийцы на свободе? Да, это правда... Один из них — Вольфганг Отто — возглавлял в Бухенвальде «команду 99», приводившую в исполнение смертные приговоры. Сейчас он живет в Гельферне и работает школьным учителем.

Другой — Бергер Вернер — служащий банка в городе Ротвейль. Убийцы нашли себе убежище под крылышком боннского правительства.

Роза Тельман, узнав об этом, выступила по радио и требовала сурового наказания убийцам. Ведь пока живы еще фашистские выродки, не может быть мира на земле.

Бухенвальдская трагедия зовет к бдительности, к сплочению народов всех стран в борьбе за мир.

В Бухенвальде открыт памятник жертвам фашизма, а также Эрнсту Тельману на месте его казни.

Роза и Ирма Тельман у печи крематория, где фашистские палачи сожгли Эриста Тельмана

На самой верхушке башни — памятника жертвам фашизма — установлен огромный колокол, опутанный колючей проволокой. Это — символично. Ведь в черные годы гитлеровского господства колокол созывал узников на поверку — утром и вечером.

Теперь он звонит дважды в день в те самые часы, когда несчастные жертвы стояли по-

долгу в холод и в дождь, изнемогая от усталости.

Звон Бухенвальдского колокола слышен далеко-далеко не только в окрестностях Веймара, он по радио передается по всей Германской Демократической Республике.

Он напоминает о той борьбе с фашизмом, которую проводили честные люди в концлагерях, об их освобождении Советской Армией, о победе над черными силами.

Об этом никогда не следует забывать...

* * *

Роза Тельман умерла 21 сентября 1962 года.

Правительство Германской Демократической Республики устроило ей национальные похороны. Из разных стран приезжали ее друзья и партийные товарищи, а также некоторые женщины, сидевшие с ней в концлагере.

Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт в своей речи над могилой подчеркнул особую заслугу Розы Тельман в деле поддержания связи с сидевшим в тюрьме вождем компартии Германии Эрнстом Тельманом, ее верность и преданность в самые тяжелые годы его жизни.

Светлый образ верной подруги Эрнста Тельмана навсегда останется в сердцах всех, кто знал ее.

В сентябре 1963 года в Советский Союз приехала Ирма Тельман с мужем. Радушно приветствовали советские люди дочь вождя компартии Германии.

Ирма давно мечтала встретиться со своими советскими друзьями, которые помогли ее семье в самое тяжелое время после освобождения из концлагеря и с которыми она переписывалась.

...Ирма стояла у окна вагона и с волнением глядявалась в безбрежную даль полей, где был уже собран урожай.

Пейзаж быстро менялся... Вот и лес со стройными соснами, зеленые верхушки которых врезаются в синее небо. Мелькают белокорые тонкие березки, нарядные и гибкие, словно девушки-невесты.

Русский лес во всей своей могучей красоте виден из окна вагона, и невозможно оторваться от этого великолепного зрелища. Стучат колеса поезда... И так же, в ритм, стучит сердце.

Прошли годы...

И вот едет она к советским друзьям. С волнением и радостью думает о долгожданной встрече с Михаилом Михайловичем Доновым.

Какова-то будет эта встреча? Узнает ли его, ведь прошло восемнадцать лет с того памятного дня, когда она впервые твердо встала на ноги и

сделала робкий шаг, опираясь на сильную руку молодого советского врача.

Сколько бессонных ночей провел тогда Донов, самоотверженно борющийся с ее тяжелой болезнью! Ведь она была на грани смерти. После страшных мучений в холодном карцере концлагеря, куда ее бросили на много дней зимой, полураздетую, босую, все ее тело покрылось нарывами, ноги опухли и были словно деревянные. Землистый цвет лица, потухший взгляд, полная атрофия чувств и начинающий уже развиваться сепсис...

Мысли Ирмы обрываются... Поезд приближается к вокзалу.

Воронеж. На перроне стоит группа людей. Среди них — подтянутый, стройный, моложавый подполковник с седеющими волосами. Ирма сразу же узнала Донова.

Радостно провели Ирма с мужем целый день в семье своих советских друзей. На квартире у Донова она с большим интересом рассматривала фотографии в альбоме, стараясь в каждой снимке угадать знакомое лицо человека в серой шинели.

— Мне бы очень хотелось узнать имя советского офицера, который первым вошел в мою камеру в тюрьме и освободил от кандалов, — сказал муж Ирмы, коммунист Йоганес Габель.

— Я могу сказать вам его имя.

Все удивленно взглянули на Донова, замерли в ожидании.

— Имя вашего освободителя — советский человек!

Минуты, часы летели быстро...

Узнав, что в Воронеже есть вагоноремонтный завод, посвящий имя Эрнста Тельмана, Ирма с мужем в сопровождении семьи Доновых посетила его.

Приветливо встретили рабочие и инженеры свою дорогую гостью. Пятьдесят лет существует завод, и свыше тридцати лет он носит имя Эрнста Тельмана, присвоенное в честь приезда сюда делегации немецких рабочих.

В заводской библиотеке Ирму поразило множество книг, среди которых было и русское издание книги «Избранное» Эрнста Тельмана. Книга была очень потрепанная, и дарить ее не совсем удобно.

— Ничего, это очень хорошо, что она не новая, — сказала Ирма, — значит, она не лежит на полке. Теперь я вижу, что книгу моего отца читают советские рабочие. Это меня очень радует.

На прощание Ирма пожелала рабочим успехов в выполнении плана и сфотографировалась вместе с ними на заводском дворе.

Поздно вечером с огромными букетами цветов проводили Ирму и Йоганеса на вокзал.

Прощаясь, Ирма сказала.

— Теперь приезжайте к нам в Берлин, только обязательно! Мы вас ждем с нетерпением!

Поезд ушел, а на перроне долго еще стояли провожающие, глядя вслед красным огонькам умчавшегося в Крым экспресса.

* * *

Встречалась Ирма Тельман и с Боржом Сергеевичем Макаровым, теперь майором в отставке. Он специально приехал по приглашению Ирмы в Москву. Сердечной теплотой была овеяна их встреча.

Вместе побывали они в селе Петрищеве на месте казни советской партизанки Зои Космодемьянской. Ее именем названы в Германской Демократической Республике пионерские отряды, ее портреты висят в немецких школах и клубах, ее любят и ею гордятся все.

* * *

Побывала Ирма Тельман и в Ленинграде. Моряки крейсера «Аврора» показали ей судовой журнал, где были записи, сделанные ее отцом и матерью, побывавшими здесь.

Вот как начинается запись отца: «Делегаты VI Всемирного конгресса передают вам сердеч-

ный революционный привст. Для всех нас возможность провести несколько часов среди краснофлотцев крейсера «Аврора» — огромное событие!...»

Ирму моряки попросили написать на память о посещении «Авроры» несколько строк. Потом сфотографировались вместе на палубе легендарного крейсера.

...Очарованная ходила Ирма вместе с мужем по великолепным залам Эрмитажа, любясь сокровищами искусства, собранными здесь. Чудесные коллекции картин разных стран и народов привлекли ее внимание. Особенно поразили картины русских мастеров в Государственном Русском музее. Она старалась понять душу народа, создавшего эти шедевры.

Что может быть сильнее влияния искусства на человеческую душу? Забываются все горечи судьбы, потрясения и обиды, и только мечта гения горит ярким светом в его творении.

Обогащенная духовно всем виденным Ирма возвращалась домой.

— Дружба! — повторяла она, радостно улыбаясь.

Майор Макаров вскоре получил от Ирмы такое письмо:

«Я рада, дорогой товарищ и друг Борис Сергеевич Макаров, что наше желание испол-

нилось: через восемнадцать лет после того, как я и моя мать были освобождены из фашистского плена и окружены Вашим заботливым вниманием, мы смогли вновь встретиться в столице Вашей Родины — Москве. Я рада, что Вы здоровы и бодры, сердечно пишете и говорите о моем отце и матери.

...Вам, дорогой товарищ Макаров, и Вашей семье я желаю здоровья, долгой-долгой жизни и много-много радости.

Ирма Тельман-Габель».

Получила к Новому году от Ирмы Тельман письмо и я.

«Дорогой товарищ Евгения Сатулла!

Ваши друзья — Ирма Тельман и Йоганес Габель поздравляют Вас с Новым годом и желают Вам здоровья, творческих сил и большого успеха в Вашей творческой работе...

С большой радостью узнали мы, как советские люди любят и уважают Эрнста Тельмана и Розу Тельман...

Извините, пожалуйста, что я отвечаю Вам только сегодня. Но после моего пребывания в Вашей стране почта приносит множество писем из разных республик Советского Союза, особенно после встречи с нашим дорогим товарищем

и братом М. М. Доновым. Я еле успеваю отвечать всем. Но не только почта, нас связывает с советскими людьми искренняя дружба, любовь и привязанность.

Мы очень дорожим советско-немецкой дружбой. Я очень прошу через Вас передать самый дружеский, пролетарский, интернациональный привет всем товарищам, гражданам и пионерам города Киева от нас.

Посылаем Вам несколько фотокарточек о нашем пребывании в Советском Союзе. Сердечно приветствуем Вас!

Ваши Ирма и Йоганес, а также маленькая Вера».

Мы верим, что дружба людей, перенесших много горя и страданий, скрепленная кровью миллионов жертв фашизма, незыблема и вечна.

И никакие угрозы, ни запугивания поджигателей войны не нарушат ее, потому что рождена она в страданиях и окрепла в борьбе за мир и счастье народов всего земного шара.

Цена 11 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЗНАНИЕ

